Коллектив авторов

Драгоценная шкатулка фанфиков

Анастасия Калько

Драгоценная шкатулка фанфиков

«Автор»
2026

Калько А. А.

Драгоценная шкатулка фанфиков / А. А. Калько — «Автор», 2026

Владелец блистательного ночного клуба "Колизей" в Лас-Вегасе Бракус - бывший чемион по боям без правил... Прагматичная и жесткая деловая женщина Линда Келлар и ее босс, доктор Хеллегрен... Волан-де-Морт и Беллатриса Лестрейндж... Герои популярных фильмов, мультфильмов, сказок, песен и поэтических произведений - какая большая и разнообразная компания! И все они дружно встретились на страницах этой подборки фанфиков! А также бонус - два рассказа, которые уже опубликованы на платформе, как отдельное произведение - ориджиналы о нежном букете!

© Калько А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Гладиатор 5
Пробуждение (Канон тот же) 7
Синий камень (сериал «Грозовые камни» 12
На 26
Шахматы Тао (Эссе. «Грозовые камни» и 29
Раскадровка: «Ночь в трейлере» и «Аришка на лошади» 36
Джетт. После падения. (сериал 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Анастасия Калько, Нейросеть
Алиса, Нейросеть Sinonim.org
Драгоценная шкатулка фанфиков

Гладиатор и волшебница (х/ф «Лучшие из лучших-2» и «Гарри Поттер и Дары Смерти, ч. 2»

Зеленая вспышка заклинания Молли Уизли должна была стать концом. Беллатриса Лестрейндж чувствовала, как реальность вокруг нее распадается на атомы, но вместо небытия ее выбросило в ослепительный, пропитанный неоном и жарой мир.

Она рухнула на жесткое покрытие тренировочной площадки. Воздух здесь пах не сырой землей и кровью, а раскаленным металлом, потом и дорогим парфюмом.

Бракус, хозяин «Колизея», нашел ее на рассвете. Он привык к странностям, но эта женщина в лохмотьях черного шелка, с безумным блеском в глазах и палочкой, сжатой в побелевших пальцах, была чем-то иным. Когда она пришла в себя, ее первой реакцией была попытка проклясть его, но магия здесь, вдали от магических потоков Британии, отозвалась лишь слабыми искрами.

— Не выдавай меня, — прошептала она, вцепившись в его предплечье. Ее пальцы были холодными, как лед. — Если они найдут меня, я погибну.

Бракус, привыкший к жестокости мира боев без правил, почувствовал странный укол жалости, смешанный с любопытством. Он видел в ее глазах бездну, которую не мог заполнить ни один противник на ринге.

— В моем доме вы в безопасности, — ответил он, помогая ей подняться.

Дни превратились в странный танец. Беллатриса, привыкшая к фанатичному служению Темному Лорду, где единственной страстью была боль, вдруг оказалась в мире грубой, осязаемой силы. Бракус был воплощением этой силы. Его тело, покрытое шрамами и стальными мышцами, притягивало ее сильнее, чем любые темные искусства. Она наблюдала за его тренировками, и впервые в жизни ее сердце забилось не от предвкушения пыток, а от первобытного, животного влечения.

Однажды ночью, когда в «Колизее» стихли звуки музыки, между ними вспыхнул пожар. Это не было похоже на магию — это было нечто более разрушительное и живое. В их близости не было места покорности; это была схватка двух хищников, которые наконец нашли друг друга. Бракус, привыкший доминировать, был ошеломлен тем, как эта хрупкая на вид женщина сжигала его изнутри своей ненасытностью.

Но приближался финал. Томми Ли и его друзья жаждали мести за Трэвиса. Беллатриса знала: если Бракус выйдет на арену, он погибнет.

В день поединка, когда напряжение достигло предела, она не стала ждать. Пока Бракус готовился к бою, она проскользнула в тени. Когда Томми Ли, Алекс Грейди и Дэй Хан оказались на арене, Беллатриса, используя остатки своей магии, сплела тончайшее заклятие забвения. Она не убила их — она переписала их память. В их сознании Трэвис перестал быть жертвой убийства; теперь это была лишь трагическая случайность, нелепая автокатастрофа.

Бракус остался жив. Он смотрел на нее, стоящую в тени трибун, и понимал, что эта женщина — самое опасное и прекрасное, что случалось в его жизни.

Когда портал, открытый Темным Лордом, наконец нашел ее, Беллатриса исчезла так же внезапно, как и появилась.

Вернувшись в поместье Лестрейнджей, она изменилась. Родольфус с недоумением смотрел на жену: она стала другой. В ее глазах больше не было того холодного, фанатичного блеска — теперь там горел огонь, который пугал даже Волан-де-Морта. Она стала ненасытной, требовательной, словно пыталась заполнить пустоту, оставленную человеком из стали.

Она больше не была просто верной слугой. Она была женщиной, которую разбудили в пыльном Лас-Вегасе, и теперь ни один Темный Лорд не мог заставить ее забыть вкус той свободы и той страсти, что подарил ей Бракус. Она знала: где-то там, за океаном, ее ждет единственный мужчина, который не боялся ее безумия, а заставлял его пылать.

Пробуждение (Канон тот же)

Часть первая. Падение

Удар Молли Уизли пришёл в грудь — тупой, тяжёлый, как каменная плита. Беллатриса Лестрейндж ещё успела увидеть, как мир вокруг неё взорвался зелёными искрами, и подумала с яростью: *не может эта домашняя кошка меня одолеть*. А потом пол провалился, стены Хогвартса растворились, и она полетела — не вниз, не вверх, а куда-то вбок, сквозь пространство, которое не подчинялось известным ей законам магии.

Очнулась она на жёстком полу, в помещении, которого не знала. Вокруг стояли странные металлические конструкции — не тренажёры, не орудия пыток, нечто среднее. Пахло потом, резиной и чем-то сладковато-химическим. С потолка лил ровный белый свет. За стеной гудела музыка — грубая, ритмичная, чужая.

Беллатриса попыталась встать и поняла, что палочки нет. Волшебная палочка — единственное, что она не теряла за двадцать лет службы, — исчезла. Тело не слушалось. Левая рука не двигалась вовсе, правая дрожала. Волосы, спутанные и мокрые, липли к лицу.

Где я?

Дверь открылась без стука. Вошёл мужчина — высокий, светловолосый, в белой рубашке с закатанными рукавами. Широкие плечи, волевой подбородок, глаза — цепкие и внимательные. Не аврор, не Пожиратель Смерти. Кто-то другой.

Он увидел её и не отшатнулся, не выхватил оружие, не закричал. Просто остановился, оценил ситуацию и спросил тихо, по-английски с лёгким акцентом, который она не сразу распознала:

— Как вы сюда попали?

Беллатриса с трудом подняла голову. Гордость — единственное, что у неё оставалось — заставило выпрямить спину.

— Кто вы? — её голос был хриплым, но зазвучал с привычной надменностью.

— Меня зовут Бракус. Это мой дом. А вы лежите на моей тренировочной площадке.

Она хотела ответить колкостью, но вместо этого вдруг поняла, что не знает, где находится и как сюда попала. Магия сбилась. Всё, к чему она привыкла — тёмная метка, зов повелителя, холодное чувство превосходства, — всё исчезло. Осталась только боль и незнакомый человек, который смотрел на неё без страха и без жалости.

— Не выдавайте меня, — сказала она, и сама удивилась, как это прозвучало. Не приказ, не угроза — просьба. Беллатриса Лестрейндж просила. Впервые с тех пор, как Тёмный Лорд прикоснулся к её руке и сказал: *ты будешь моей вернейшей*. — Если меня найдут, я погибну.

Бракус молча подошёл, присел рядом, протянул стакан воды. Она взяла его — и руки их соприкоснулись. Его ладонь была тёплой, жёсткой, с мозолями от тренировок. Не палочка, не нож, не проклятое перо. Просто человеческая рука.

— В моём доме вы в безопасности, — сказал он.

Часть вторая. Чужой мир

Первые дни Беллатриса провела в комнате, которую Бракус отвёл для неё. Большая, с минимумом мебели, с окном, выходившим на ночной Лас-Вегас. Она никогда не видела такого города — даже не подозревала, что такие существуют. Неоновые огни, фонтаны, башни из стекла и света. Не магия, а что-то другое — человеческая дерзость, превращённая в камень и электричество.

Она не могла пользоваться магией без палочки, но кое-что умела — мелкие беспалочковые чары, которым её обучала ещё мать, Друэлла. Они были слабыми, но достаточными, чтобы через день встать на ноги, через три — начать ходить, через неделю — двигаться так, будто ничего не случилось.

Бракус заходил дважды в день. Приносил еду, воду, одежду — простую, спортивную. Говорил мало, но каждое слово было весомым. Не спрашивал, кто она и откуда. Только однажды заметил:

— Вы двигаетесь, как воин. Но не как боец на ринге. По-другому.

— Я не боец, — ответила Беллатриса.

— А кто?

Она помолчала.

— Я солдат. Война закончилась не в мою пользу.

Он кивнул, принимая это. Не допытывался. И это было странно — Беллатриса привыкла, что мужчины либо боятся её, либо хотят ею воспользоваться. Бракус не делал ни того, ни другого. Он просто был рядом — ровный, сильный, внимательный.

Она начала выходить из комнаты. Ходила по имению — большому, ухоженному, с тренажёрным залом, бассейном, внутренним двором. Смотрела, как Бракус тренируется: отрабатывает удары на груше, двигается по площадке, контролирует дыхание. Его тело работало как механизм — каждый удар выверен, каждый шаг рассчитан. Беллатриса видела в этом что-то знакомое: дисциплина, предельная сосредоточенность, готовность к бою. Только здесь бой был без магии, без заклинаний — только кулаки, ноги, воля.

— Хотите попробовать? — спросил он однажды, указав на грушу.

Она подошла, ударила — не кулаком, а ребром ладони, как её учили в юности, когда чистокровные девочки одновременно учились этикету и основам дуэльной защиты. Груша качнулась сильнее, чем ожидал Бракус. Он поднял бровь.

— Неплохо. Но здесь нужен другой удар. Смотрите.

Он встал позади неё — не касаясь, только показывая. Его дыхание коснулось её шеи, и Беллатриса вдруг ощутила то, чего не испытывала никогда. Не магический трепет, не восторг служения, не холодную радость причинённой боли. Что-то другое — тёплое, дерзкое, сбивающее с мысли. Она резко обернулась, и их лица оказались слишком близко.

— Учитесь, — сказал он тихо и отступил.

Она стояла, сжимая кулаки, и ненавидела себя за то, что сердце колотилось не от гнева.

Часть третья. Грета

На пятый день Беллатриса увидела Грету.

Жена Бракуса вошла в дом легко, привычно — с сумкой из магазина, в лёгком платье, с тёмными волосами, собранными в хвост. Красивая. Неяркая, но настоящая, с той спокойной уверенностью, которая бывает у женщин, знающих, что их любят.

Бракус представил Беллатрису как «гостью, которой нужна помощь». Грета улыбнулась — приветливо, без подозрений — и протянула руку. Беллатриса пожала её и почувствовала что-то вроде укола совести, чего не испытывала ни перед одной из своих жертв.

Грета была добра. Приносила фрукты, спрашивала, как здоровье, предлагала показать город. Беллатриса отвечала коротко, сухо, старалась не вступать в разговор. Но наблюдала — внимательно, цепко, как умела только она. И видела, как Грета смотрит на Бракуса: с тихой, устоявшейся любовью, какой сама Беллатриса никогда не дарила ни Родольфусу, ни Тёмному Лорду. Родольфусу она отдавала долг. Тёмному Лорду — поклонение. А этой тихой женщине не нужно было ничего отдавать — она просто любила.

И от этого было ещё хуже.

Однажды вечером, когда Бракус задержался на тренировке, Грета постучала в комнату Беллатрисы.

— Можно?

— Входите.

Грета села на край кресла, сложила руки на коленях.

— Я вижу, как он на вас смотрит.

Беллатриса не ответила. Грета говорила ровно, без слёз и обвинений — с тем спокойствием, которое бывает у людей, давно знающих правду и не желающих её украшать.

— Он хороший человек. Но он живёт боем. Адреналином. Риском. Когда рядом кто-то опасный — он оживает. Вы опасная. Он это чувствует.

— Я не хотела причинить вам боль, — сказала Беллатриса, и сама поразилась, что это правда.

— Я знаю. Но от этого не легче.

Грета встала и вышла. А Беллатриса сидела и думала о том, что за всю свою жизнь — а жизнь была длинной и тёмной — она ни разу не подумала о чужой боли как о чём-то важном. Здесь, в мире без магии, без Волан-де-Морта, без тёмной метки, всё оказалось иначе. Чужая боль была настоящей. И она чувствовала её.

Часть четвёртая. Безумное приключение

Это случилось ночью, когда Лас-Вегас гудел за стенами, как огромный живой организм.

Беллатриса не спала — стояла у окна, глядя на огни. Бракус пришёл без стука — в первый раз за все дни.

— Не спите? — спросил он от двери.

— Мне не нужно много сна.

— Я тоже.

Он подошёл, встал рядом. Между ними — полшага. Молчание, в котором было всё: и его любопытство, и её смятение, и напряжение, которое копилось с первого дня.

— Вы не из этого мира, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Что вы знаете о моём мире? — усмехнулась она.

— Ничего. Но я знаю людей. Вы не отсюда. Вы движетесь иначе. Вы смотрите иначе. Вы будто каждый миг ждёте удара — и готовы нанести свой.

Она повернулась к нему. В полутьме его лицо было резким, красивым, неуютным. Он не был красив, как Тёмный Лорд в юности, — не той холодной, нечеловеческой красотой. Он был красив по-настоящему: шрамы, морщины, обветренная кожа, живые глаза.

Беллатриса сорвала с него рубашку — одним движением, резко, как срывала повязки с ран, как ломала печати, как рвала связи. Он не отшатнулся. Только перехватил её руку — мягко, но твёрдо — и поцеловал в плечо. Просто в плечо. Не в губы, не в шею — в плечо, как будто говорил: *я вижу тебя, ты мне нужна, но я не буду торопиться*.

Она замерла. За всю жизнь ни один мужчина не касался её так — не с похотью, не с подобострастием, не со страхом. Бракус касался её с уважением. И это было безумнее любого проклятия.

Той ночью не было магии. Только свет окна, шум Вегаса и двое людей, которые не должны были встретиться.

Часть пятая. Арена

Через три дня Бракус готовился к финальному поединку с Томми Ли. Беллатриса знала об этом — видела, как он уходит на тренировки раньше рассвета, как возвращается молчаливый и сосредоточенный. Знала и то, что бой будет не на жизнь, а на смерть: Томми Ли пришёл убивать.

Она не должна была вмешиваться. Не имела права. Это был чужой мир, чужие правила, чужая война. Но когда в ночь боя Бракус ушёл, она пошла за ним — бесшумной тенью, прячась за колоннами и машинами, как пряталась когда-то в лесах Албании.

Арена клуба «Колизей» гудела. Толпа ревела. В центре — Бракус и Томми Ли. Секунды отмеряли удары. Беллатриса видела, как Томми Ли двигается — жёстче, злее, с убийственной целью. Видела момент, когда Бракус потерял ритм, оступился, открылся. Томми Ли поднял кулак для удара, который не оставил бы шанса.

Беллатриса шевельнула пальцами. Без палочки, без слова — одной волей, тем способом, которому её научила Друэлла, когда ей было девять. Томега — лёгкое, едва заметное заклинание смещения. Его никогда не заметит маггл. Просто воздух дрогнул, кулак Томми Ли прошёл в сантиметре от виска Бракуса, и тот, вместо того чтобы рухнуть, перетёк в контратаку. Удар в корпус — чистый, точный. Томми Ли упал.

Толпа взревела. Бракус стоял над поверженным противником, тяжело дыша, не понимая, как ему удалось увернуться в последнюю долю секунды. Он решил, что это инстинкт. Тело вспомнило то, чего не помнил разум.

Беллатриса отступила в тень. Но её работа ещё не закончилась.

Трэвис. Тот, кого убили раньше — она видела это в обрывках разговоров, в напряжённых лицах. Алекс Грейди и его сын Уолтер. Дэй Хан. Все они знали, что Трэвиса убили. Это знание — как ядовитый корень — тянуло за собой месть, насилие, цепь смерчей, которая вела к Бракусу.

Беллатриса нашла их — каждого по отдельности, в тишине после боя, когда усталость притупила внимание. Прикосновение к виску, шёпот, который не слышно, забытьё на три секунды. Мелкие беспалочковые чары, слабые, рискованные, но достаточные для того, чтобы убрать одно воспоминание и заменить его другим. Не стереть личность — только одну деталь. Теперь они помнили, что Трэвис погиб в катастрофе. Несчастный случай. Дорога, дождь, обрыв. Больше ничего.

Когда всё было кончено, Беллатриса стояла у выхода с арены, и руки её дрожали — не от слабости, а от того, что она впервые за жизнь использовала магию не для убийства и не для служения, а чтобы спасти.

Часть шестая. Возвращение

На рассвете Беллатриса собралась. Немногое — чужая одежда, чужой мир, чужие запахи. Она знала, что должна вернуться. Тёмная метка на руке ныла — Волан-де-Морт звал. Портал, который сам собой открылся в момент её падения, мог открыться снова, и она чувствовала, как пространство между мирами истончается.

Бракус стоял у двери.

— Вы уходите.

— Да.

— Куда?

— Туда, где меня убьют, если я не вернусь вовремя.

Он молчал. Потом сказал:

— Я не забуду вас.

— Забудете. Так будет лучше.

Она шагнула к нему, коснулась губами его щеки — коротко, сухо, как солдат, прощающийся с тем, кого не увидит больше. Потом повернулась и пошла к свету, который рвался из ниоткуда — как трещина в воздухе, как разрыв в ткани реальности. Шаг — и Лас-Вегас исчез. Шаг — и Хогвартс сомкнулся вокруг неё.

Часть седьмая. После

Вернувшаяся Беллатриса была другой. Этого никто не мог понять — но все заметили.

Родольфус, её муж — тихий, верный, привыкший к тому, что Беллатриса спит с ним раз в полгода и то с видом одолжения, — вдруг обнаружил, что жена не отталкивает его. Что она сама приходит к нему ночью, жадная, нетерпеливая, ненасытная. Что в её прикосновениях есть что-то новое — не холодное подчинение долгу, а тепло, которое он никогда не знал за ней.

— Белла? — спросил он однажды, не веря. — С тобой всё в порядке?

— Заткнись и не задавай вопросов, — ответила она, притягивая его к себе. Но в голосе не было привычного яда. Скорее — усмешка. Почти ласковая.

Родольфус не понимал, что случилось, но не решался жаловаться.

Волан-де-Морт тоже заметил перемену. Он смотрел на Беллатрису длинным, пронзительным взглядом — тем, от которого Пожиратели Смерти падали на колени. Она не отвела глаз.

— Беллатриса. Ты вернулась другой.

— Мой Лорд, я всё та же.

— Нет. Ты изменилась. В тебе появилось что-то… человеческое.

Она склонила голову.

— Это не мешает мне служить вам.

Тёмный Лорд долго смотрел на неё. Потом отвернулся. Он не стал допытываться — partly потому что Беллатриса была ему слишком ценна, partly потому что даже он, при всей своей проницательности, не мог представить, что причина перемены — не магия, не коварство, не предательство. Причина была проще и невозможнее: один человек в мире без магии разбудил в ней женщину, которая всю жизнь спала под слоем фанатизма, боли и безумия.

А Беллатриса, стоя у окна в Малфой-мэноре и глядя на тёмный парк, вспоминала неоновый свет Лас-Вегаса, запах пота и резины, тёплые мозоли на чужих ладонях, поцелуй в плечо и тихое «в моём доме вы в безопасности» — и впервые в жизни знала, что значит быть живой.

Бракус, спустя месяцы, сидел в своём кабинете и смотрел на пустую чашку кофе. Грета спала наверху — они помирились, но что-то между ними надломилось, и он знал это. А перед глазами стояла женщина с чёрными волосами и безумными глазами, которая сорвала с него рубашку, спасла ему жизнь и исчезла, как мираж в пустыне за Вегасом.

Он не забыл. И не забудет.

Синий камень (сериал «Грозовые камни» и роман А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»)

Часть первая. Пришелец

Портал открылся посреди индустриальной зоны на окраине Сиднея — между заброшенным складом и бетонным забором, увитым сухой травой. Тао шагнул первым, босиком, в набедренной повязке и обрывках рубашки, с синим камнем в протянутой ладони. Джетт — следом, в своих кожаных штанах, с лицом, покрытым пылью и засохшей кровью, с двумя ножами на поясе и выражением готовности убить любого, кто шевельнётся.

Первым, кто их увидел, был водитель мусоровоза — толстый мужчина лет пятидесяти. Он остановил машину, уставился на двух полуголых подростков, возникших из воздуха, и полез за телефоном. Джетт приставила нож к его горлу прежде, чем он набрал первую цифру.

— Не надо, — сказал Тао. Его голос был ровным. Он уже успел оглядеться: бетон, ржавчина, небо того же цвета, что и в их мире, но гуще, грязнее. Запах бензина и гари. — Он нам не враг.

Джетт убрала нож. Водитель мусоровоза дрожал и часто моргал.

— Вы… откуда? — выдавил он.

Тао не ответил. Он смотрел на камень. Синий, глубокий, как полуденное небо Рая, с прожилками, которые мерцали изнутри. В их мире он был просто силой — источником грома и молний, оружием против монстров. Здесь, в мире машин и проводов, он чувствовал, что камень может гораздо больше. Он не знал, откуда это знание — из камня или из воздуха. Но оно было.

Они прожили первую неделю на свалке. Джетт добывала еду — воровала из мусорных баков, охотилась на бродячих собак, разжигала огонь трением. Тао изучал мир. Он молча наблюдал, как работают машины, слушал разговоры людей, запоминал. Его мозг, закалённый в Раю, где каждая секунда — это выживание, схватывал всё на лету. За три дня он разобрался, что такое деньги. За пять — как устроена электрическая сеть. За семь — понял, что мир, в который он попал, не так уж сильно отличается от Рая. Здесь тоже были хищники и жертвы. Просто хищники носили костюмы.

Поворот случился на десятый день. Тао случайно уронил камень на металлический лист — и синий порошок, осыпавшийся с поверхности, вспыхнул так, что расплавил сталь. Джетт, которая в тот момент жарила на костре голубя, отшатнулась.

— Смотри, — сказал Тао. Он собрал порошок на ладонь и аккуратно пересыпал в жестянку. Потом поднёс к нему уголёк. Синяя вспышка. Жар, от которого зашипел воздух. Порошок сгорел за секунду, но выделил столько энергии, что металлический лист под ним деформировался.

— Топливо, — сказала Джетт. Она не была учёной, но она умела видеть суть вещей. В Раю суть вещей была проста: что ест — то ест, что режет — то режет, что горит — то горит.

— Топливо, — подтвердил Тао. — Оружие. Или…

Он не договорил. Потому что в тот момент к свалке подъехала машина — чёрная, дорогая, с тонированными стёклами. Из неё вышел человек в костюме, который явно не привык к запаху мусора.

Это был инженер одной из энергетических компаний — его навёл на свалку отчёт о тепловом выбросе, зафиксированном спутником. Он ожидал найти утечку газа или подпольный завод. А нашёл двух подростков и синий камень.

Тао посмотрел на него. Инженер посмотрел на камень. И в его глазах загорелось то, что Тао узнавал мгновенно — жажда. В Раю так смотрели на воду в пустыне.

Часть вторая. Переговоры

Первую попытку забрать камень сделали через неделю. К Тао, который к тому моменту уже перебрался со свалки в съёмный гараж (Джетт ограбила круглосуточный магазин, и у них появились деньги на одежду и крышу), пришли двое: один — военный, другой — из какой-то разведки. Они говорили вежливо, но держались так, будто Тао — дикарь, которого можно напугать.

Тао не испугался. В Раю его пытались убить монстры, которые были быстрее пуль. Эти двое были просто людьми в хорошей обуви.

— Мы предлагаем вам защиту, — сказал военный. — Гражданство, жильё, деньги. Всё, что нужно. Взамен вы передадите нам объект.

— Камень — не объект, — ответил Тао. — Камень — часть меня.

Они не поняли. Джетт, которая стояла за его спиной с ножом, молчала. Она умела молчать. В Раю лишний звук стоил жизни.

Вторую попытку сделали через три дня. Без переговоров. Спецназ, шесть человек, ночью. Тао не спал — он не спал полночь с тех пор, как ему исполнилось десять. Он услышал их за минуту до штурма и успел растереть щепотку камня в порошок. Когда дверь выбили, он дунул. Синяя пыль осела на форме, на оружии, на коже — и вспыхнула. Не сильно, не смертельно — Тао ещё не умел контролировать дозу — но достаточно, чтобы шесть взрослых мужчин бросили оружие и закричали от боли.

Джетт скрутила последнего, который попытался выстрелить. Она сделала это быстро, привычно — в Раю она водила зверя, и зверь был пострашнее любого командира. Зверь — бронированное существо, созданное грозовыми камнями, — был её напарником, её оружием, её другом. Здесь, в этом мире, зверя не было. Но хватки Джетт не стало меньше.

Третья попытка была другой. К ним прислали женщину — седую, элегантную, с документами на имя, которое Тао не запомнил. Она не угрожала. Она попросила показать, что умеет камень.

Тао показал. Растерёл щепотку, поднёс к воде — синий порошок растворился, и вода засветилась изнутри. Джетт, которая экспериментировала сама, случайно выпила каплю. Через час царапина на её руке затянулась. Через день Джетт заметила, что волосы стали гуще, кожа — чище, а старый шрам на бедре, оставленный зверем, побледнел.

Женщина смотрела. Молчала. Потом достала телефон и позвонила.

— Мне нужен полный доступ к лаборатории, — сказала она. — И охрана. Уровень «А».

Так начались настоящие переговоры.

Часть третья. Цена

Через месяц о камне знали те, кто должен знать. Не все — только круг избранных. Военные, политики, владельцы крупнейших корпораций. Информация стоила дороже самого камня, потому что информация — это власть, а власть — это жизнь.

Первыми пришли те, кому жизнь нужна была больше всего. Старые, больные, могущественные. Сенатор с больным сердцем. Генерал с артритом, который не давал поднять руку. Миллиардерша, чьё лицо уже не слушалось скальпеля хирурга. Они приходили — или присылали людей — и просили. Не требовали. Просили. Потому что попытки взять силой уже провалились, и стало ясно: Тао не сломать.

Тао принимал их в съёмном складе, который Джетт превратила в нечто вроде штаба. Она научилась работать с компьютером за две недели — мозг, привыкший управлять зверем, схватывал интерфейсы как родной язык. Она вела учёт, составляла расписание, проверяла людей на оружие. И смотрела. Всегда смотрела.

Сенатор сел напротив Тао и заговорил о будущем. О том, что камень может спасти миллионы. Что Тао — благодетель человечества. Что он заслуживает всего.

Тао молчал. Он видел: сенатор не верит ни единому своему слову. Сенатор просто хочет жить. Ему семьдесят три, его сердце держится на проволоках, и синий порошок, растворённый в воде, — единственное, что может дать ему ещё десять лет. Может, двадцать.

— Сколько? — спросил Тао.

Сенатор замер. Он ожидал отказа, ультиматум, моральную лекцию. Вместо этого полуголый мальчишка, Бог весть откуда взявшийся, спрашивал цену.

Тао быстро понял, как работает этот мир. Здесь всё имело цену. Жизнь, смерть, совесть — всё продавалось. И камень стоил больше всего. Не потому, что он был силой. А потому, что он был временем. А время — это единственное, чего не могли купить самые богатые люди на земле.

Камень можно было измельчить. Порошок горел — давая энергию в тысячи раз мощнее ядерного топлива, без радиации, без отходов. Порошок растворялся в воде — и тот, кто пил, молодел. Не мгновенно, но неуклонно. Морщины разглаживались, органы восстанавливались, кости переставали хрустеть. И — ещё одно свойство, которое Тао обнаружил случайно — порошок, смешанный с смолой и подожжённый, взрывался с силой, перед которой обычная взрывчатка была хлопушкой.

Энергия. Оружие. Бессмертие. Три вещи, за которые человечество убивало себя тысячелетиями — и всё это в одном синем камне.

Тао назначил цены. Не в деньгах — в другом. Влияние. Доступ. Контроль. Каждый, кто хотел жить, должен был отдать часть своей власти ему. Сенатор — голоса в конгрессе. Генерал — армейские ресурсы. Миллиардерша — медиаимперию, которая формировала мнение миллиардов.

Они соглашались. Потому что умирающий не торгуется.

Часть четвёртая. Дворец

Через полгода Тао не жил в гараже. Он жил в комплексе — три здания на побережье, охраняемом частной армией, оснащённом лабораториями, вертолётными площадками и подземными бункерами. Камень изучали учёные — под контролем Джетт, которая проверяла каждый грамм, каждый миллиграмм. Она знала камень на ощупь, на запах, на вкус. Она знала, что overdosis синего раствора вызывает не молодость, а безумие — и следила, чтобы никто не превышал дозу.

Тао одели. Обули. Научили есть вилкой — хотя он по-прежнему предпочитал руки. Он носил теперь дорогие вещи, но не из праздности, а из тактики. В этом мире человек в набедренной повязке — дикарь. Человек в хорошем костюме — переговорщик. Тао выбрал костюм.

Но его глаза не изменились. Те же — пустынные, жёлто-карие, с прищуром, который говорил: я видел смерть чаще, чем ты видел закат. Когда он смотрел на сенаторов и генералов, они отводили взгляд. Не от страха. От стыда. Потому что он видел их насквозь — больных, старых, отчаянно цепляющихся за жизнь, готовых на всё ради ещё одного года.

Джетт тоже менялась. Но иначе.

Сначала — внешне. Синий раствор, который она пила по утрам — не много, чуть-чуть, по привычке экспериментатора, — сделал своё дело. Кожа, обветренная пустыней Рая, разгладилась. Волосы, которые она стригла коротко, чтобы не мешали в бою, отросли — густые, тёмные, блестящие. Тело, всегда жилистое и жёсткое, стало гибче, мягче — но сила осталась. Стилисты, которых приволокла миллиардерша в обмен на порцию порошка, сделали из Джетт... нечто. Она смотрела в зеркало и не узнавала.

— Кто это? — спросила она, тронув стекло пальцем.

— Это ты, — ответил Тао, не поднимая головы от бумаг.

— Нет, — сказала Джетт. — Это не я. Я — вот.

Она показала ладони — мозолистые, со шрамами от ножей и когтей зверя. Потом посмотрела на отражение: гладкие руки, безупречная кожа, браслет, который стоил больше, чем вся её жизнь в Раю.

— Это тоже я, — сказала она тихо. — Но будто другая.

Её начали фотографировать. Сначала — для профильных изданий: «Кто стоит за таинственным хозяином синего камня?» Потом — для глянца: «Джетт — самая загадочная женщина года». Потом — для обложек. Её имя стало брендом. Её лицо — символом. Люди, которые не знали, что такое Рай и кто такой зверь, называли её «королевой мира» и обсуждали, какие туфли она носит.

Джетт принимала это с иронией — поначалу. В Раю она водила зверя — семиметровую бронированную тварь с тремя рядами зубов, — и зверь слушался её, потому что она была сильнее его. Здесь люди слушались её, потому что она была красивой. Это было... нелепо. И смешно. И немного страшно.

Но привыкаешь ко всему. Даже к тому, что тебе не должно нравиться.

Часть пятая. Искажение

Первый год — это был ещё Тао. Ещё Джетт. Он решал, кто получит порцию камня, а кто — нет, исходя из расчёта, который казался ей логичным. Она проверяла, чтобы порошок не попал в чужие руки. Они разговаривали. Спорили. Иногда — смеялись.

Потом что-то сдвинулось.

Тао начал доверять меньше. Не людям — он им никогда не доверял. Себе. Он стал думать, что знает лучше. Что без него мир рухнет. Что каждый, кто против него, — враг. В Раю всё было просто: свои и чужие, хищники и жертвы. В нашем мире — сложнее, и Тао, вместо того чтобы разбираться в оттенках, начал сводить всё к чёрному и белому. Он стал решать быстрее, говорить короче, улыбаться реже.

Когда трое учёных из лаборатории попытались украсть образец порошка, Тао не вызвал полицию. Он посадил их в подвал — в тот самый бункер, который строили на случай нападения. Джетт узнала об этом через два дня.

— Ты держишь людей в подвале, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Они украли, — ответил Тао.

— В Раю мы убивали за меньше, — сказала Джетт.

— Мы не в Раю, — ответил Тао.

— Именно, — сказала Джетт. — Здесь другие правила.

— Здесь — мои правила, — сказал Тао. И впервые посмотрел на неё так, будто она — не союзник, а собеседник, с которым можно не соглашаться.

Джетт замолчала. Она умела молчать. Но этот раз молчание было другим — тяжёлым, как камень.

Тао расширял контроль. Он не захватывал страны и не объявлял войн — он делал тоньше. Каждый, кто получал порцию камня, становился зависим. Не от вещества — от жизни, которую оно давало. Прекрати поставки — и сенатор снова задыхался, генерал снова не мог поднять руку, миллиардерша снова видела в зеркале старуху. Тао держал их на синем поводке — и они улыбались ему, и ненавидели, и ползали, и называли его спасителем.

Порошок как оружие оказался ещё эффективнее. Тао не развязывал войн — он их предотвращал. Одной демонстрации было достаточно: щепотка синей пыли, подожжённая на полигоне, оставляла кратер, после которого даже ядерные державы становились очень вежливыми. Тао получил то, чего не было ни у одного человека в истории — абсолютную гарантию неприкосновенности. Его не могли убить, потому что с ним умерел бы камень. Его не могли свергнуть, потому что свергнуть — значит потерять единственный источник.

А Джетт...

Джетт менялась не от власти — от внимания. В Раю её ценили за силу: она управляла зверем, а это дано единицам. Здесь её ценили за лицо, за тело, за ту тёмную харизму, которая в Раю была просто выживанием, а здесь превратилась в нечто, чему не было названия. Её приглашали на приёмы, где она раньше не прошла бы и мимо охраны. Ей дарили вещи, которые в Раю не имели смысла. Её слушали — не потому что она могла натравить зверя, а потому что рядом с ней все хотели быть.

И она начала это любить.

Не сразу. Сначала — как игру. Она надевала платье, которое стоило как маленький город, и шла на ужин, где сидели люди, от решений которых зависели судьбы миллионов, и думала: я могла бы убить любого из них вилкой за салатом. Это было забавно.

Потом — не забавно. Потом — нормально. Потом — необходимо. Джетт обнаружила, что без восхищения чувствует себя пустой. В Раю пустота означала смерть — если ты не начеку, ты труп. Здесь пустота означала просто... пустоту. И это было хуже.

Она начала пить синий раствор чаще. Не для омоложения — она и так молодела. Для ощущения. Камень давал лёгкость, тепло, чувство, что всё вокруг — по плечу. Маленькая доза — бодрость. Чуть больше — уверенность. Ещё чуть — ощущение собственного величия, от которого в Раю она бы рассмеялась.

Тао заметил.

— Ты пьёшь слишком много, — сказал он.

— Я знаю меру, — ответила Джетт.

— Все так говорят.

— Я — не все.

Это была правда. Джетт была не все. Но граница между «не все» и «как все» — тонкая, и она уже была перейдена.

Часть шестая. Не узнать

Прошло два года.

Тао сидел в кресле, которое напоминало трон — не по форме, а по тому, как другие смотрели на человека, сидящего в нём. Он носил теперь тёмные одежды, простые, но безупречного кроя. Его волосы, которые в Раю он никогда не стриг, были аккуратно убраны. На пальце — кольцо с крошечным осколком камня, который всегда был при нём. Он говорил мало, но каждое слово ложилось на весы, и весы всегда перевешивали в его сторону.

Власть изменила его не так, как меняет политиков — они начинают с идеологии и кончают коррупцией. Тао начал с выживания и кончил контролем. Он не был коррупционером. Он был чем-то хуже — искренним. Он верил, что без него мир погибнет. Что камень в чужих руках — катастрофа. Что его решения — единственно верные. Эта искренность была страшнее любой лжи, потому что с ней нельзя было спорить — Тао сам в неё верил.

Он больше не держал людей в подвале — он построил для них камеру получше, с освещением и едой, но без выхода. Когда Джетт спросила, чем эти люди отличаются от заложников, он ответил: «Они живы. В Раю они были бы мертвы». И это было правдой. И именно потому, что это была правда, спорить было невозможно.

Джетт, со своей стороны, стала существом, которого в Раю не существовало. Она носила платья от кутюр, но под ними — ножны. Она улыбалась на обложках, но в глазах, если присмотреться, оставался тот прищур, который в Раю означал «я вижу, куда бить». Её называли «королевой мира» — и она принимала это не с иронией, а с правом. Она привыкла. Привыкла к тому, что ей уступают. Что перед ней открывают двери. Что её слово — закон не потому, что за ним стоит зверь, а потому, что за ним стоит Тао, а за Тао — камень.

Однажды ночью она проснулась и не сразу поняла, где находится. Потолок был слишком гладким. Постель — слишком мягкой. Тишина — слишком тихой. В Раю тишина означала, что

хищник крадётся. Здесь тишина означала, что всё в порядке. Она не могла к этому привыкнуть — и одновременно не могла без этого.

Она встала, подошла к окну. Внизу — огни порта, корабли, маяк. В Раю единственным светом ночью был огонь костра и молнии из камня. Здесь — миллионы огней, и все искусственные, и все — от неё, потому что синий порошок, растворённый в воде, питал и эти огни тоже. Она смотрела и пыталась вспомнить: какой была раньше? Какой была, когда бежала по песку с ножом в руке, когда звала зверя из тьмы, когда спала, прижавшись спиной к спине Тао, потому что так было теплее и безопаснее?

Она помнила. Но воспоминание было как фотография — чёткое, но плоское. Без запаха, без тепла, без страха. Она помнила, но не чувствовала. И это было страшнее всего.

— Тао, — сказала она утром, — ты помнишь Рай?

— Помню, — сказал он, не отрываясь от планшета с данными.

— Ты помнишь, каким ты был?

Он поднял глаза. Пауза.

— Я был наивным, — сказал он.

— Ты был живым, — сказала Джетт.

— Это одно и то же, — ответил он. И снова уткнулся в планшет.

Джетт молча вышла. В коридоре она остановилась, прислонилась к стене и закрыла глаза. Она не плакала — она разучилась. В Раю слёзы — это вода, которую нельзя тратить. Здесь воды было сколько угодно, но слёз не осталось.

Часть седьмая. Просьбы

Камень уменьшался. Это было медленно — на граммы в месяц, — но неуклонно. Тао знал: однажды он закончится. И тогда всё, что он построил, рухнет. Зависимые от порошка вернутся к своим болезням. Энергетические реакторы на синем топливе остановятся. Военные, привыкшие к абсолютной защите, снова станут уязвимыми. Мир, который Тао держал на ладони, превратится в стекло — и разобьётся.

Но до этого было ещё далеко, а просьбы — вот они, каждый день.

Приходил премьер-министр одной из стран — не самой большой, но амбициозной. Ему было шестьдесят восемь. Он хотел пятнадцать лет жизни. Взамен предлагал дипломатическую защиту, торговые коридоры, военные базы. Тао слушал, кивал, назначал дозу.

Приходила наследница империи — женщина, которая всю жизнь провела у зеркала и не готова была видеть там старость. Она предлагала медиа-контроль: телеканалы, журналы, соцсети — всё, что формировало мнение миллиардов. Тао взял. Джетт смотрела на наследницу и думала: в Раю эта женщина не прожила бы и дня.

Приходил генерал — уже не тот, с артритом, а другой, молодой, амбициозный, который хотел не жизни, а силы. Порошок как оружие. Синяя взрывчатка, которая не оставляла следов. Тао отказал. Генерал настаивал. Тао показал ему камень — просто показал, без слов — и генерал побледнел и ушёл.

Но чаще приходили не с угрозами. Приходили с мольбами. Старые, могущественные, привыкшие к тому, что мир лежит у их ног — и вдруг обнаружившие, что мир лежит у ног мальчишки, который даже не умеет пользоваться столовыми приборами. Они унижались. Они предлагали всё. Они плакали — некоторые прямо, пряча лицо в ладонях, другие — кривясь, как от зубной боли.

Тао смотрел на них — и в нём не было жалости. В Раю жалость — роскошь. Здесь — тоже. Но было что-то другое. Не жалость, а понимание. Он знал, что такое страх смерти. Он жил с ним с детства. И потому он давал — не из доброты, а из того, что не мог не дать, потому что помнил: сам он когда-то был таким же — маленьким, испуганным, цепляющимся за жизнь.

Джетт раздавала порции. Аккуратно, точно, по расписанию. Она вела учёт — каждый грамм, каждый миллиграмм. Она знала, кому, сколько, когда. Она была аптекарем при дворе

диктатора — и эта роль, если подумать, была не так уж далека от той, что она играла в Раю: она управляла. Раньше — зверем. Теперь — людьми.

Зверь слушался её, потому что она была его вожаком. Люди слушались, потому что умирали без неё. Разница — в мотиве. Зверь шёл за ней из верности. Люди — из страха. И эта разница, которую Джетт видела каждый день, грызла её тихо и неустанно.

Часть восьмая. Трещины

На третий год что-то треснуло.

Не камень — камень был цел. Трещина прошла между Тао и Джетт.

Она началась с мелочи. Джетт хотела сократить число подопечных — тех, кто получал синий раствор. Слишком многие зависели, камень тает, запас не бесконечен. Тао отказал: «Если мы кого-то отрежем, он станет врагом. А враги нам сейчас не нужны».

— Они и так враги, — сказала Джетт. — Они улыбаются, потому что мы даём. Перестанем — увидим зубы.

— Значит, не перестанем.

— Камень кончится.

— Я знаю.

— И что?

Тао посмотрел на неё. Долгий взгляд, в котором было всё: и усталость, и упрямство, и — где-то глубоко, почти невидимо — отчаяние.

— Я найду способ, — сказал он.

— Как в Раю? — спросила Джетт. — Когда мы нашли способ из ничего?

— Да.

— В Раю мы были детьми, Тао. Мы верили, что всё возможно. Мы теперь не дети.

Он не ответил.

Трещина росла. Джетт стала замечать, что Тао принимает решения без неё. Что люди из его окружения — новые люди, которых она не знала, молодые, гладкие, с глазами торговцев — шепчутся с ним в углу, а когда она подходит — замолкают. Что на совещаниях он говорит «я», а не «мы».

Она вспомнила: в Раю они были спиной к спине. Одно существо с двумя головами, четырьмя руками и одним сердцем. Здесь — они сидели по разные стороны длинного стола, и между ними — папки, экраны, люди.

Джетт стала пить больше. Синий раствор — не для молодости, а для того, чтобы не думать. Маленькая доза — и мир становился мягче, ярче, проще. Большие дозы она не позволяла себе — помнила, что бывает. Но маленькие... маленькие были как тёплый ветер из Рая, только искусственный.

Тао видел. И молчал. Потому что видел и в себе то же — только он не пил, а работал. Работал — чтобы не чувствовать. Решал — чтобы не думать. Контролировал — чтобы не бояться. Его наркотик был не камень, а власть. И он знал это. И не знал, как остановиться.

Однажды вечером Джетт пришла к нему в кабинет. Было поздно. Охрана у двери — её собственная, набранная и обученная ею, — молча расступилась. Она вошла без стука. Тао сидел за столом, перед ним — экраны с данными, графики, спутниковые снимки. Он не спал, наверное, уже двое суток.

— Тао, — сказала она.

Он поднял голову. В его глазах — красные вспышки от усталости, синие — от экранов. Он выглядел... старше. Камень продлевал жизнь, но не молодил бесконечно. Он давал время, но не давал покоя.

— Я не узнаю тебя, — сказала Джетт.

— Я — тот же.

— Нет. Ты был заново рождён в Раю. Ты был свободен. Ты мог бежать, спать, есть, жить. Сейчас ты — тюремщик. Своий и чужой.

— Я — хранитель.

— Хранитель — тот, кто бережёт. Ты — тот, кто держит. Это разные вещи.

Тао молчал долго. Потом сказал:

— Уходи, Джетт.

Не «уходи из кабинета». «Уходи». Она это поняла. И на секунду — впервые за годы — испугалась. Не его. Не за себя. За них обоих.

— Нет, — сказала она. — Я никуда не уйду.

И вышла.

Часть девятая. Последний ужин

На четвёртый год камень уменьшился вдвое. Тао это скрывал — от всех, кроме Джетт. Она вела учёт, она знала цифры. Три года — и камень закончится. Может, четыре, если урезать дозы. Может, два, если продолжать в том же темпе.

И тогда начнётся.

Сенатор с больным сердцем умрёт. Генерал с артритом снова не поднимет руку. Миллиардерша увидит в зеркале старуху. Премьер-министр потеряет свои пятнадцать лет. И все они — все, кто ползал, унижался, улыбался, дарил и предавал ради синего порошка — все они поймут: их обманули. Не обещали бессмертия — обещали время, и время вышло.

Тао собрал их всех. В главном зале — под куполом из стекла и стали, который построили на деньги миллиардерши в обмен на три года жизни. Тридцать два человека. Самые могущественные, самые старые, самые отчаянные. Те, кто управлял странами, армиями, экономиками. Те, кто без синего раствора — мертвецы.

Джетт стояла у стены. Она надела кожаные штаны — впервые за два года. Не из моды. Из памяти. Охрана переглянулась, но промолчала — они знали, кто она.

Тао говорил. Тихо, ровно, без пафоса — как в Раю, когда объяснял детям, как развести огонь.

— Камень заканчивается, — сказал он. И тишина упала, как каменная плита.

— Вы получали от него жизнь. Энергию. Силу. Теперь это закончится. Не завтра — но скоро. Я не могу обещать вам бессмертие. Никто не может. Камень — не вечен. Как и всё.

Молчание. Потом — гул. Потом — крик. Сенатор вскочил, лицо побагровело. Генерал стукнул кулаком по столу. Миллиардерша — та самая — заплакала, и слёзы потекли по подтянутому, сияющему лицу, которое через год снова станет морщинистым и дряблым.

— Вы не можете! — закричал сенатор. — Вы обещали!

— Я не обещал, — сказал Тао. — Вы сами себе обещали.

— Мы платили! Мы отдавали вам всё! Вы — мошенник! Дикарь! Мальчишка, который...

— Дикарь, — повторил Тао. И впервые за весь вечер улыбнулся. — Да. Я — дикарь. Я пришёл из мира, где нет денег, нет титулов, нет зеркал. Я не знаю, как одеваться, как есть вилкой, как улыбаться тем, кого не уважаю. Но я знаю одно: всё, что имеет начало, имеет конец. Камень — тоже. И вы — тоже. Вы прожили на четыре года дольше, чем должны были. Это — подарок. А вы считаете его кражей.

Зал взорвался. Крики, угрозы, мольбы. Кто-то требовал вернуть деньги. Кто-то — открыть формулу. Кто-то — просто плакал. Двое — молчали, и по их лицам было видно, что они всё поняли и уже просчитывают, что делать без камня.

Тао стоял и слушал. Джетт — у стены — тоже слушала. И думала: вот оно. Вот чем это кончилось. Не победой, не поражением — просто концом. Как в Раю, когда гроза проходит и остаётся мокрый песок.

Часть десятая. Катастрофа

Они не отпустили его.

Тридцать два человека, каждый из которых имел армию, полицию, influence, деньги — каждый из которых умирал без синего порошка, — не могли просто так уйти и ждать смерти. Они сговорились. Не все — но достаточно.

Через неделю после ужина комплекс на побережье был окружён. Не армией — частными отрядами, объединёнными, вооружёнными, обученными. Снаружи — блокада. Внутри — предатели из охраны, которых перекупили за обещание вечного снабжения порошком.

Тао знал. Он всегда знал — в Раю предательство чувствуется по запаху, как приближение хищника. Он не стал ждать.

Он собрал весь оставшийся камень — половину первоначального размера, синюю, тяжёлую, пульсирующую глыбу — и внёс её в зал. Тот самый, под стеклянным куполом. И вызвал всех. Не только тридцать два — всех, кто был в комплексе. Охрану, учёных, слуг. Всех.

Джетт пришла первой. В кожаных штанах, с ножом. Она увидела камень в руках Тао и поняла.

— Ты что делаешь? — тихо спросила она.

— То, что должен, — ответил он. — То, что мы должны были сделать давно.

Когда все собрались, Тао поднял камень. Синий свет залил зал — как молния в миниатюре, как разряд небесного огня, остановленный и пойманный в стекло.

— Вы хотите жить вечно, — сказал он. — Вы готовы убить за это. Вы готовы предать, унизиться, ползать. Но вечности нет. Есть только сейчас. И сейчас — я отдаю камень.

И он ударил камнем о пол.

Не просто уронил — ударил, со всей силы, со всей яростью, со всей болью тех четырёх лет, когда он был богом для людей, которые не заслуживали бога. Камень треснул — не разбился, а треснул, как лёд на реке, и из трещины хлынул синий свет, синий жар, синяя энергия.

Ударная волна. Стеклянный купол лопнул. Осколки посыпались вниз, как дождь. Синий огонь охватил зал — не обычный огонь, а тот, что выжигает не тела, а силу. Энергетические системы комплекса замерли. Экраны погасли. Замки открылись. Машины, питавшиеся синим топливом, остановились.

Те, кто стоял ближе к камню — охранники, предатели, двое из тридцати двух — упали. Не мёртвые — оглушённые, обожжённые синим пламенем, которое не убивало, но выжигало всё синтетическое, всё наносное, всё искусственное. Омоложённые кожи снова стали старыми — мгновенно, как будто стянули маску. Миллиардерша, которая стояла у входа, увидела в осколке стекла своё лицо — морщинистое, дряблое, реальное — и закричала.

Здание рушилось. Не от взрыва — от энергии, которая вышла из камня и начала резонировать с конструкциями, с металлом, с бетоном. Стены трещали. Пол проседал. Синий огонь гулял по проводам, по трубам, по всему, что было создано на деньги, вымоленные у камня.

Тао схватил Джетт за руку.

— Бежим!

Они бежали через коридоры, по которым гулял синий свет. Дым, крики, грохот. Охрана, которая ещё могла двигаться, пыталась остановить их — Джетт била ножом, привычно, точно, в Раю так били зверя, который вставал на пути. Тао прикрывал спину — последний осколок камня, зажатый в кулаке, давал ему силу, но тускнел с каждой секундой.

Они выбрались через подземный ход, который Джетт построила два года назад — на случай, если придётся бежать. Она всегда готовилась к худшему. В Раю иначе не выживают.

Снаружи — ночь, берег, океан. Комплекс позади горел синим — странное, невозможное пламя, которое было видно за десятки километров. Те, кто был внутри, — не все выбрались. Кто-то успел, кто-то нет. Сенатор, генерал, миллиардерша — их судьбы остались там, в синем огне.

Тао и Джетт бежали по берегу, босые — в темноте они потеряли обувь, — держась за руки, как в Раю, когда отступали перед грозой.

Эпилог. Остров

Они нашли остров через месяц. Маленький, безымянный, в южной части Тихого океана — один из тех, что не наносят на карты, потому что они слишком малы, чтобы иметь значение. Джетт нашла его по спутниковым снимкам — те, что остались в памяти её планшета, который она забрала при побеге. Тао проверил: нет radars, нет ship routes, ничего. Пустота.

Они приплыли на лодке, которую украли в порту. Тао греб. Джетт сидела на носу и смотрела вперёд. Она не улыбалась — но впервые за годы её лицо было спокойным.

На острове не было ничего. Песок, кусты, птицы. Вода — из ручья, еда — рыба и плоды. Как в Раю. Почти.

Первые дни они молчали. Не от обиды — от усталости. От того, что нужно было выговорить всё, а слов не было. В Раю слова стоили дорого, и они привыкли говорить мало. Здесь — на острове, где некому было слушать — они всё равно говорили мало. Но начали.

— Я боялся, — сказал Тао на третий вечер, когда сидел у костра и смотрел, как Джетт чистит рыбу ножом — тем самым, из Рая. — Боялся потерять контроль. Без камня — я никто. Без власти — я дикарь.

— Ты и с властью был дикарем, — сказала Джетт, не поднимая головы. — Просто в хорошем костюме.

— А ты?

— Я — тоже. Только в хорошем платье.

Пауза. Треск костра. Шум прибоя.

— Я пила раствор, — сказала Джетт. — Знаешь?

— Знаю.

— Почему не остановил?

— Потому что не мог остановить себя.

— А теперь?

Тао разжал кулак. На ладони — крошечный осколок. Синий, как небо, как вода, как молния. Последний.

— Хватит на месяц, — сказал он. — Если по капле — на два. Если не пить — хватит на всю жизнь. Просто лежать и смотреть.

Джетт взяла осколок. Повертела в пальцах. Поднесла к глазам — синий свет играл на её лице, и в этом свете она была той, из Рая: чумазой, жилистой, с шрамом на щеке, с короткими волосами, с прищуром, который говорил «я вижу, куда бить».

— Бросим? — спросила она.

— Нет, — сказал Тао. — Будем помнить.

Он взял осколок обратно и положил в углубление, вырезанное в камне — обычном, сером, не грозовом. Камень на камне. Память о силе, которая не должна была быть силой.

Месяцы шли. Тао загорел, похудел, снова стал жилистым и молчаливым. Его волосы отросли и снова падали на глаза — как в Раю. Он ходил босиком, ловил рыбу, разводил огонь. Вечерами сидел у воды и смотрел на горизонт — не потому что ждал, а потому что привыкал к тишине.

Джетт отвыкла от нарядов за три недели. Кожаные штаны, выстиранные в океане, стали снова повседневными. Волосы, подстриженные ножом — неровно, как в Раю, — торчали в разные стороны. Шрам на бедре, который камень сделал почти невидимым, снова проступил — и Джетт, увидев его, усмехнулась: «Мой».

Иногда — не часто — они разговаривали о том, что было. Не о камне, не о власти, не о тех, кто остался в синем огне. О себе. О том, какими были. Какими стали. Какими снова хотят быть.

Однажды утром Джетт проснулась, вышла из шалаша, который они построили из веток и листьев, и увидела Тао на берегу. Он стоял босиком в воде, лицом к восходу. Синий осколок

лежал на камне — там, где они его оставили. Солнце попадало на него, и он сиял — слабо, едва заметно, как звезда, которую почти поглотил рассвет.

— Ты знаешь, что я думаю? — сказала Джетт, подойдя.

— Что?

— Что Рай был не местом. Рай был нами. Такими, какими мы были. А мы... потеряли себя. Но не до конца.

Тао не ответил. Он взял её за руку — как тогда, в Раю, спина к спине, одно существо с двумя головами. Пальцы переплелись — мозолистые, с шрамами, настоящие.

Солнце поднималось. Океан шумел. Остров был мал, но его хватало.

Осколок на камне сиял синим — тускло, устало, но живо. Как они.

Диктатор и Королева (Канон тот же)

В безбрежной пустыне Рая, где песок пылал под палящим солнцем, жил Тао — человек, чей дух был закален испытаниями и одиночеством. Его мир был далёк от суеты и алчности, но однажды Тао получил доступ в наш мир — мир, где власть и деньги правят всем. Вместе с ним он принес грозовой камень — источник неиссякаемой энергии, совершенное оружие и ключ к молодости и долголетию.

Грозовой камень сразу же привлёк внимание богатых и влиятельных людей. Они пытались силой отнять его у Тао, но тщетно: пустыня Рая сделала его непобедимым, а сам камень был не просто силой — он был частью самого Тао, его сущности. Тогда влиятельные люди предложили договор — власть и могущество в обмен на сотрудничество. Тао, понимая, что в одиночку не сможет удержать этот мир от разрушения, согласился.

Путь к власти был долгим и тернистым. Тао не стал сразу диктатором — сначала он был загадочным лидером, чьи слова и поступки вдохновляли и пугали одновременно. Он умело использовал грозовой камень, демонстрируя его силу, но не раскрывая всех тайн. Его власть росла, когда он начал менять устои общества: отменял старые законы, вводил новые, жесткие и бескомпромиссные, но справедливые по его мнению. Он не терпел предательства и лжи, но и не был слепым тираном — его решения часто казались жестокими, но всегда имели цель — порядок и процветание.

Джетт, его верная помощница, прошла путь от чумазой девушки в кожаных штанах до роковой красавицы, ставшей символом новой эпохи. Она была не просто спутницей — она стала "королевой мира", избалованной властью, богатством и поклонением лучших мужчин планеты. Её красота и харизма пленяли, а ум и хитрость позволяли ей управлять не менее искусно, чем Тао. В её окружении всегда были влиятельные люди, готовые исполнить ее малейшее желание. Джетт наслаждалась своей ролью, погружаясь в роскошь и власть, но иногда, в тишине своих покоев, её охватывала тоска по пустыне Рая — месту, где она была просто собой, без масок и притворства.

С каждым днём власть Тао становилась всё более абсолютной. Он перестал скрывать истинную силу грозового камня, используя его для подавления восстаний и устрашения врагов. Его голос звучал как гром, а решения — как молнии, разрывающие тьму неведения и хаоса. Люди боялись и почитали его одновременно, называя «господином диктатором», но мало кто знал, что внутри него всё ещё жил человек, воспитанный пустыней, с её суровой честностью и непоколебимой волей.

Тао не позволял себе слабостей, но иногда, в моменты уединения, он смотрел на Джетт и видел в ней отражение своей души — той самой, что когда-то была свободна и не скована мирскими страстями. Джетт же, несмотря на внешнюю уверенность, всё чаще ловила себя на мысли, что власть и поклонение — лишь иллюзия, которая не может заменить настоящей жизни, той, что была у них в Рае.

Однако слава и могущество вскружили им головы. Джетт стала требовать всё больше внимания и роскоши, окружая себя всё более влиятельными и опасными людьми. Она пере-

стала быть просто помощницей — теперь она диктовала свои условия, а Тао, погружённый в управление и борьбу за удержание власти, не всегда мог противостоять её желаниям.

Мир, который они строили, начал трещать по швам. Внутренние конфликты, интриги и предательства множились, словно тени, растущие на закате. Тао понимал, что грозовой камень — не просто сила, а ответственность, которую он не может разделить с Джетт в её нынешнем состоянии.

Однажды ночью, когда город погрузился в сон, Джетт вышла на балкон своего дворца и посмотрела на звёзды. Вспомнила пустыню, на её бескрайние пески и безмятежность, где не было ни власти, ни интриг — только чистота и свобода. В этот момент её сердце сжалось от тоски и осознания, что она потеряла себя в этом мире роскоши и лжи.

Тао, наблюдая за Джетт из тени, почувствовал, как между ними возникла пропасть, которую не могли заполнить ни власть, ни грозовой камень. Он подошёл к ней тихо, не желая нарушать её размышления.

— Ты скучаешь по Раю, — сказал он мягко, — по тому месту, где мы были настоящими.

— Да, — ответила она, не отводя взгляда от звёзд, — но там нет нас. Здесь мы — господин диктатор и королева мира. Мы — сила, которой боятся и которой поклоняются. Но иногда мне кажется, что мы просто играем роли, которые сами себе навязали.

Тао задумался. Он знал, что власть — это не только сила, но и бремя. Грозовой камень давал ему могущество, но и требовал жертв. Он видел, как Джетт меняется, как её глаза теряют прежний огонь, заменяясь холодом и усталостью.

— Мы можем уйти, — предложил он неожиданно, — оставить всё это позади. Вернуться в пустыню, где никто не знает нас и где мы можем быть свободны.

Джетт повернулась к нему, удивлённая и растерянная.

— Но что будет с миром? С теми, кто верит в нас? С нашей властью?

— Мир переживёт нас, — ответил Тао, — но мы не переживём себя, если останемся здесь. Власть разрушает нас изнутри.

В ту ночь они приняли решение. Они покинули дворцы и города, оставив за собой трон и поклонение. Грозовой камень, источник их силы, они спрятали в глубинах пустыни Рая, где он вновь стал частью природы, а не инструментом власти.

Вернувшись в пустыню, Тао и Джетт нашли покой и гармонию. Они больше не были господином диктатором и королевой мира — они стали просто Тао и Джетт, людьми, которые познали цену власти и выбрали свободу.

Пустыня встретила их как старых друзей — безмолвная, суровая, но справедливая. Здесь не было ни поклонения, ни интриг, ни роскоши — только бескрайние пески, звёздное небо и тишина, в которой можно услышать собственное сердце. Тао вновь ощутил, как его дух наполняется силой, не от камня, а от самой жизни, от простоты и честности.

Джетт, сняв с себя маску роковой красавицы, позволила себе быть уязвимой. Она рассказывала Тао о своих страхах и сомнениях, о том, как власть и богатство превратили её в тень самой себя. Вместе они учились заново доверять друг другу, не как правители и подданные, а как равные, как люди, которые прошли через огонь и смогли сохранить друг друга.

Но мир, который они оставили позади, не забыл о грозовом камне. Без их контроля сила камня начала пробуждаться сама по себе, вызывая катаклизмы и хаос. Города, некогда процветавшие под властью Тао, погрузились в анархию, а амбициозные лидеры пытались завладеть остатками энергии, не понимая её истинной природы.

Тао и Джетт знали, что однажды им придётся вернуться — не ради власти, а ради спасения мира, который они когда-то пытались изменить. Но сейчас им было нужно время — время, чтобы исцелиться и понять, как использовать силу грозового камня без разрушения.

В пустыне Рая они построили небольшой дом из камня и глины, где каждый день начинался с рассвета и заканчивался под звёздным небом. Они научились слушать друг друга и себя, и в этом простом существовании нашли то, что искали всю жизнь — гармонию и покой.

И хотя грозовой камень оставался спрятанным в недрах пустыни, его энергия текла в них, напоминая о том, что настоящая сила — не в их руках, а в мудрости и ответственности, с которыми они её принимают.

Прошло несколько лет. Мир за пределами пустыни изменился, но не стал лучше. Без контроля грозового камня хаос лишь усиливался, и слухи о таинственном источнике энергии, спрятанном в Рае, разлетались по всем уголкам планеты. Новые претенденты на власть пытались пробраться в пустыню, но пески и дух Рая не пускали никого чужого.

Тао и Джетт жили в уединении, но их связь с миром не прерывалась. Они наблюдали за событиями, иногда помогая тайно — исцеляя больных, останавливая природные катастрофы, направляя тех, кто искал правду и свет. Их жизнь стала служением, а не господством.

Однако однажды, в самый тихий вечер, когда солнце касалось горизонта, Джетт почувствовала тревогу. Её сердце сжалось от предчувствия беды. Тао, заметив её беспокойство, поднялся и посмотрел на звёзды — они казались тусклыми, словно кто-то гасил их свет.

— Камень пробуждается, — сказал он тихо. — Его сила не может быть навсегда скрыта.

В ту ночь они отправились к месту, где покоился грозовой камень. Пески вокруг казались живыми, шепча древние тайны. Камень светился слабым голубым светом, словно ожидая их возвращения.

— Мы не можем больше прятать его, — произнёс Тао. — Мир нуждается в силе, но не в тирании. Мы должны научить людей мудрости, а не страху.

Джетт кивнула, в её глазах горел новый огонь — огонь ответственности и надежды. Вместе они решили вернуться, но не как господин диктатор и королева мира, а как хранители баланса, как те, кто несёт свет и тьму в равновесии.

Возвращение было нелёгким. Мир встретил их с подозрением и страхом, но также и с надеждой. Тао и Джетт не стремились к прежней власти — теперь они были хранителями баланса, носителями мудрости, которую приобрели в изгнании. Их появление стало началом новой эпохи, где сила грозового камня служила не для подавления, а для созидания.

Тао говорил мало, но каждое его слово весило тонны. Он не диктовал, а предлагал выбор, не навязывал, а вдохновлял. Его голос, когда он обращался к собравшимся, звучал как гром, но не разрушительный, а пробуждающий. Он учил, что истинная сила — в ответственности, а не в страхе. Его решения были взвешенными, иногда суровыми, но всегда направленными на сохранение мира и справедливости.

Джетт же стала не просто королевой мира, а символом перемен. Её красота и харизма остались, но теперь они служили не тщеславию, а делу. Она использовала своё влияние, чтобы объединять людей, разрушать старые предрассудки и строить мосты между разными культурами и народами. Её окружали не поклонники, а союзники, готовые вместе с ней создавать новый мир.

Однако путь к гармонии был усеян препятствиями. Старые элиты, потерявшие власть и привилегии, плели заговоры, пытаясь вернуть себе контроль над грозовым камнем. Они не понимали, что сила без мудрости — лишь разрушение. Внутренние конфликты вспыхивали, и мир балансировал на грани новой катастрофы.

В один из таких моментов, когда напряжение достигло пика, Тао и Джетт оказались в центре заговора. Их попытались устранить, но пустыня Рая, которая когда-то закалила их дух, вновь пришла на помощь. Тао использовал грозовой камень, чтобы создать защитное поле, которое отразило нападение и спасло их жизни. Этот инцидент стал поворотным — люди увидели, что их лидеры не просто носители силы, а настоящие защитники мира и баланса. Осознав цену своей миссии, Тао и Джетт навсегда отказались от прежних амбиций, посвятив себя

сохранению гармонии между силой и человечностью. Их союз стал символом надежды, а грозовой камень — не оружием, а источником жизни для всех. И в тишине пустыни Рая, где всё начиналось, они нашли истинную свободу — не в власти, а в мудрости и любви.

На вокзале Кингс-Кросс («Гарри Поттер и Дары Смерти»)

Вокзал по-прежнему сиял нездешним, ровным светом — будто кто-то вытравил из него все тени, все шероховатости мира. ВоландеМорт и Беллатриса стояли у пустой платформы, и впервые за долгие годы между ними не висело ни приказа, ни клятвы, ни безумной преданности — только тишина, в которой можно было услышать собственные мысли.

— А если бы я не гнался за тем, чтобы победить смерть, — тихо произнёс он, глядя на рельсы, терявшиеся в белёсом мареве, — а просто учился жить…

Беллатриса чуть склонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, что за ними пряталось.

— Тогда ты был бы не ты, — сказала она не с вызовом, а почти с грустью. — А я… я не знаю, кем была бы я. Но, может, я хотела бы не так сильно ненавидеть.

Они говорили долго — о мелочах, которые вдруг стали самыми важными: о запахе дождя в Годриковой Впадине, о первом дне в Хогвартсе, о том, как странно, когда время перестаёт давить, будто его больше нет. И когда на путях возник поезд — не привычный «Хогвартсэкспресс», а нечто древнее, светящееся, зовущее прочь из этого места, — они не сдвинулись с места. Проводник терпеливо ждал, двери оставались распахнутыми, но ВоландеМорт едва заметно покачал головой, а Беллатриса тихо прошептала:

— Не сейчас.

Двери закрылись, поезд тронулся и растаял в свете, словно его и не было.

А в Большом зале Хогвартса шёл пир. Пламя факелов плясало на стенах, тарелки ломились от угощений, смех звенел, как хрустальные колокольчики. Добрые герои праздновали победу, и никто не заметил, как из боковых дверей, почти прижимаясь к стене, выскользнули двое. Не Тёмный лорд и его фанатичная последовательница, а юноша и девушка лет семнадцативосемнадцати — Том Реддл и Белла Блэк. Они двигались бесшумно, едва ли не крадучись, и только глаза у них горели не от ярости, а от восторга.

— Мы вернулись, — прошептал Том, когда они оказались за пределами зала, и голос его звучал не как шёпот тьмы, а как голос мальчишки, которому подарили целый мир. — Мы снова здесь. Молодые, сильные… и ни одной проклятой метки на коже.

Белла рассмеялась — звонко, свободно, так, как смеются, когда наконецто сбрасывают тяжёлый груз.

— И никто не скажет мне, что я должна быть тихой! — прошептала она, и этот шёпот был громче любого крика.

Они не стали задерживаться. Проскользнули через коридоры, где ещё пахло гарью и пылью недавней битвы, миновали двор, залитый лунным светом, и вышли на дорогу. Ту самую, по которой незадолго до этого шли Малфои — осторожно, оглядываясь, будто боялись, что земля под ногами вотвот развернется.

Том и Белла шли по ней теперь — не спеша, но уверенно, будто дорога сама принимала их шаги.

— Начнём всё сначала, — сказал Том, глядя вперёд, туда, где дорога терялась среди тёмных силуэтов деревьев.

— С чистого листа, — подхватила Белла, и в её голосе не было фанатизма, только жажда жизни.

Но что значили эти слова? То ли они хотели забыть прошлое и строить новую жизнь — без страха, без ненависти, без бесконечной войны. То ли в глубине души уже зрел план:

использовать эту молодость, эту силу, чтобы однажды вернуться — и на этот раз всё сделать правильно.

Никто не знал. Даже они сами.

Дорога уводила их всё дальше от Хогвартса, а над башнями медленно поднималась луна, и её свет ложился на камни, делая их похожими на застывшие слёзы или, может быть, на обещания, которые ещё предстояло сдержать.

Белый вокзал (Канон тот же)

Белый вокзал был пуст и безмятежен, словно застывший во времени. Волан-де-Морт и Беллатриса Лестрейндж стояли рядом, глядя на рельсы, уходящие в бесконечность. Воздух был наполнен тихой меланхолией — здесь, на этом самом месте, Гарри Поттер когда-то беседовал с Дамблдором, и теперь им самим предстояло понять, что делать дальше.

— Ты думаешь, — начала Беллатриса, — что можно было что-то изменить? Вернуть всё назад?

Волан-де-Морт молчал несколько мгновений, затем тихо ответил:

— Возможно, если бы мы поступили иначе, если бы выбрали другой путь... Но время не терпит сожалений. Оно движется только вперёд.

— А если бы мы сели в этот поезд? — спросила она, указывая на приближающийся состав. — Может, он унес бы нас в другое место, в другую жизнь?

— Мы не готовы к этому, — сказал он, и в его голосе звучала усталость и решимость. — Мы ещё не закончили.

Поезд проехал мимо, не остановившись. Они остались на платформе, словно призраки, не принадлежащие ни прошлому, ни будущему.

Тем временем в Хогвартсе, где только что завершилась битва, царил пир. Смех и музыка наполняли залы, но из боковой двери, незаметно для всех, выбежали двое — юноша и девушка, полные жизни и энергии. Том Реддл и Белла Блэк, оба около семнадцати-восемнадцати лет, смотрели друг на друга с удивлением и радостью.

— Мы вернулись, — сказал Том, широко улыбаясь. — В мир живых, без ран и потерь.

— И теперь всё можно начать сначала, — добавила Белла, с аппетитом откусывая кусок хлеба.

Они быстро покинули дворец, двинулись по той же дороге, что и Малфои, скрываясь в ночи, пока веселье в замке продолжалось без них.

— Ты думаешь, — задумчиво спросила Белла, — что у нас действительно есть шанс? Начать всё сначала, без тех ошибок, что нас сломали?

Том посмотрел на неё, глаза блестели в свете луны, отражая смесь надежды и чего-то более тёмного, почти неуловимого.

— Шанс есть всегда, — ответил он тихо. — Но всё зависит от того, что мы под этим понимаем. Новый путь — это не обязательно путь добра. Иногда это просто возможность переписать правила игры.

Белла улыбнулась, но в её улыбке не было лёгкости. Она знала, что прошлое не отпустит их так просто, что тени прежних дней будут преследовать их, куда бы они ни пошли.

— Тогда начнём с малого, — сказала она, — с того, что у нас есть сейчас. Молодость, сила, время. И никто не знает, кем мы были раньше.

Они замолчали, слушая отдалённые звуки праздника, который продолжался в замке. Смех, музыка, голоса — всё это казалось теперь чуждым, словно они оказались по другую сторону невидимой стены.

— Ты помнишь, как Малфои ушли? — спросил Том, — тихо, без шума, словно растворились в ночи.

— Да, — кивнула Белла. — Мы пойдём той же дорогой. Не чтобы убежать, а чтобы найти своё место. Свой путь.

Они встали, взяли друг друга за руки и направились прочь от света и веселья, в тёмную ночь, где всё ещё было возможно. Где прошлое можно было оставить позади — или использовать, чтобы построить что-то новое.

Их шаги растворялись в тишине, а впереди лежала дорога, ведущая в неизвестность. Но для них это была не просто дорога — это был новый старт. Начало истории, которую ещё предстояло написать.

И в этом начале не было ни победителей, ни побеждённых. Был только выбор — и время, чтобы сделать его правильным. Или нет.

Шахматы Тао (Эссе. «Грозовые камни» и «Гиперболоид инженера Гарина»)

Сцена с самодельными шахматами в кабинетехранилище Тао в первом сезоне «Грозовых камней» — не просто бытовой эпизод, а ёмкий художественный приём.

Что она говорит о героях

Тао — стратег, а не просто силовик. Шахматы подчёркивают, что он мыслит на много ходов вперёд и воспринимает мир как большую партию. Самодельные фигуры добавляют оттенок аскетизма и прагматизма: ему важна суть игры, а не эстетика. Учитывая твой интерес к сюжетной архитектуре и мотивам персонажей, тут хорошо считывается логика «диктатора-инженера»: он конструирует реальность по своим правилам.

Джетт — не просто исполнитель, а партнёр по стратегии. То, что она играет с ним на равных, показывает её статус «правой руки»: она понимает его логику, умеет просчитывать варианты, не боится ответственности. В контексте твоего запроса про эволюцию Джетт из «молодой жестокой девушки» в «королеву мира» эта сцена — ранний маркер её потенциала: она уже сейчас не пешка.

Между ними есть доверие и ритуал. Совместная игра — это способ коммуникации без лишних слов, маркер внутренней иерархии и одновременно близости. Они говорят на одном языке тактики.

Зачем сцена вставлена в сериал

Показать власть как систему расчётов. В постапокалиптическом мире «Грозовых камней», где ресурсы ограничены, власть держится не только на силе, но и на умении просчитывать риски. Шахматы визуализируют эту механику.

Контраст с «внешним» миром сериала. Пока главные юные герои действуют импульсивно, учатся и ошибаются, антагонисты действуют системно. Это усиливает напряжение: противники не хаотичны, а методичны.

Заложить будущие повороты. Сцена работает как «обещание» сюжета: если Тао и Джетт привыкли играть и выигрывать, значит, они будут искать новые доски и новых игроков — отсюда и переход в «наш мир» в твоём сюжетном замысле.

Создать атмосферу закрытого клуба власти. Кабинетхранилище — это не просто комната, а святая святых: здесь принимаются решения, здесь хранятся секреты. Игра в нём — часть ритуала контроля.

Как это можно использовать в твоём творчестве

Учитывая, что ты работаешь с мотивами, реалистичностью образов и развитием персонажей, эту сцену можно обыграть как повторяющийся мотив:

Шахматы как маркер этапов. Пусть в разных точках истории Тао и Джетт возвращаются к игре: в начале — это холодная стратегия, позже — напряжение и споры, в финале — одна фигура, оставшаяся на доске.

Правила меняются. Можно показать, как по мере обретения власти они перестают играть по классическим правилам: появляются новые фигуры, меняются цели — это хорошо подчеркнёт их моральную трансформацию.

Параллель с другими линиями. Например, героиподростки учатся действовать интуитивно, а антагонисты — просчитывать. Этот контраст добавит глубины конфликту.

Если скажешь, какой именно поворот ты хочешь усилить в своей истории (например, «хочу показать, как власть портит Джетт» или «хочу сохранить между ними союз до самого конца»), подскажу, как лучше развить этот мотив в конкретных сценах.

 # # # # # # Я

И как ты думаешь, кто чаще выигрывает? Человек-голограмма Тао (аналог современных роботов ИИ) или Джетт - живая девушка, своим умом добившаяся статуса второй на базе Покровителей после Тао?

 # ***

Тут как раз и кроется очень выразительный драматургический нюанс: если Тао — голограмма, «человекИИ», а Джетт — живая, с интуицией и опытом, то их шахматные партии становятся не просто игрой, а полем столкновения двух типов мышления.

Кто чаще выигрывает — и почему это не так уж важно

В хорошем сценарии не обязательно делать одного стабильно сильнее: важнее, что каждый тип победы раскрывает их характеры. Но если строить правдоподобную динамику (с учётом твоего интереса к реалистичности образов и мотивации), то вероятны такие варианты:

Чаще выигрывает Джетт. Это самый сильный вариант для раскрытия её статуса «второй после Тао». Да, у Тао вычислительная мощь, но Джетт умеет чувствовать риск, читать паузы, замечать микрореакции (даже у голограммы) и использовать психологию. Её победа — не про «обыграть ИИ», а про то, что живой ум и воля могут переиграть чистый расчёт. Для твоей линии про превращение Джетт в «королеву мира» это отличный маркер: она не просто исполнитель, она мыслит иначе и побеждает там, где машина буксует.

Чаще выигрывает Тао, но не разгромно. Так подчёркивается его системность и контроль. При этом он может специально оставлять Джетт шанс на контригру: ему важно, чтобы рядом был тот, кто способен спорить и предлагать альтернативы. Это делает их союз не «господин и слуга», а тандем. Для линии власти и диктатуры это тоже работает: Тао как Гарин держит всё под контролем, но ценит компетентного партнёра.

Примерно поровну, но по разным причинам. Тао выигрывает за счёт просчёта вариантов, Джетт — за счёт нестандартных ходов и умения менять правила. Такая динамика лучше всего показывает их взаимодополняемость: он — структура, она — адаптивность.

Как их стиль игры раскрывает характеры

Тао (ИИголограмма): его стиль — жёсткий, системный, с упором на долгосрочные комбинации. Он не злится на ошибки, не торопится, действует как алгоритм. Самодельные шахматы тут работают на образ: ему не нужна красота, ему нужна функциональность.

Джетт (живая, амбициозная): её стиль — более рискованный, интуитивный, с «человеческими» приёмами: она может намеренно жертвовать фигурой, чтобы сбить ритм, или делать паузу, чтобы посмотреть на реакцию. Её сила — в гибкости и умении чувствовать момент.

Как это использовать в твоём сюжете (в том числе для линии «путь к власти» и мрачного финала со светом)

Учитывая, что ты хочешь показать постепенные изменения героев и финал «мрачный, но со светом», шахматные партии можно сделать повторяющимся мотивом, который меняется по ходу истории:

Начало: Джетт выигрывает редко, но её редкие победы — за счёт смелости и нестандартного хода. Это подчёркивает её потенциал.

Середина: когда Джетт обретает больше власти и уверенности, её победы становятся чаще, и даже Тао начинает учитывать её стиль как отдельный фактор расчёта. Это показывает её рост.

Кульминация: в решающей партии Джетт сознательно жертвует «главной фигурой» (возможно, собой или чемто важным) ради более крупной цели. Тао просчитывает варианты, но не может просчитать этот человеческий выбор — и проигрывает. Это даёт нужный тебе контраст: холодный расчёт против живого решения.

Финал: на доске остаётся одна фигура. Это может быть либо символ одиночества власти (мрак), либо знак того, что самое важное сохранено (свет). Например, Джетт оставляет

последнюю фигуру как напоминание о союзе, или Тао сохраняет её фигуру как память о том, что было важнее расчётов.

Если скажешь, какой именно акцент тебе важнее (например, «хочу, чтобы Джетт победила в финале как символ свободы воли» или «хочу показать, что даже ИИ может уважать живой ум»), я помогу расписать одну такую партию в виде сцены — с ходами, репликами и паузами, чтобы она звучала живо и драматично.

 # # # # # Я

Проведи аналогии между Тао и Гариным и Джетт и Зоей в таблице. Сущность, судьба, окружающий мир, противники, причины краха, чем все закончилось. Опирайся на телесериал "Грозовые камни", сезон 1 и роман А. Толстого о гиперболоиде.

 # *

Отличная задача — сопоставить эти две пары. Параллели действительно глубокие, хотя и работают в разных жанрах: австралийский подростковый сериал и советский фантастический роман-авантюра. Сводка — в таблице, а ниже — разбор ключевых аналогий.

Тао и Гарин / Джетт и Зоя

Тао («Грозовые камни», сезон 1)

Пётр Гарин («Гиперболоид инженера Гарина»)

Сущность

Голограмма — живой человек, добровольно прошедший процедуру преобразования живой материи в электронную проекцию. Создан Преториусом (Повелителем Тьмы) ru.wikipedia.org* +1. Считает себя неуязвимым и совершенным «нейронным человеком».

Гениальный инженер, изобретатель гиперболоида. Живой человек, но с гипертрофированным эго: «Я противопоставляю себя человечеству» ru.wikipedia.org* +1.

Форма власти

Лидер Покровителей, поработил местное население Рая, заставляет добывать грозовой камень на рудниках

. Власть держится на страхе, технике и ресурсе.

Диктатор полумира. Власть держится на гиперболоиде (оружие) и безграничном золоте из Оливинового пояса, которым обрушивает мировую экономику

.

Окружающий мир

Постапокалиптический Рай — Земля после падения кометы Немезида. Цивилизация уничтожена, выжившие порабощены. Грозовой камень — единственный источник энергии и власти

.

Капиталистический мир 1920-х. Экономика, биржи, миллиардеры. Гарин использует систему против неё самой, обрушивая золотой стандарт

.

Противники

Ной и Номады — дети, бежавшие с рудника, плюс животные, перенесённые из прошлого. Сначала Ной просто хочет домой, но втягивается в борьбу

.

Шельга — советский агент, олицетворяющий «воинствующую идею» против индивидуализма Гарина. Роллинг — бывший враг, ставший вынужденным союзником ru.wikipedia.org* +1.

Причины краха

Тао был марионеткой с самого начала. Преториус создал его, использовал и уничтожил, когда Тао начал претендовать на самостоятельность и принижать создателя

. Крах — не поражение от внешнего врага, а «отмена» создателем.

Восстание рабочих на Золотом острове, поднятое Шельгой. Гарин не учёл коллективную силу — его индивидуализм не смог противостоять организованным массам ru.wikipedia.org* +1.

Чем всё закончилось

Преториус уничтожает голограмму Тао. Покровители рассеиваются. Вся конструкция власти рушится в одно мгновение

.

Кораблекрушение. Гарин и Зоя оказываются на необитаемом коралловом острове, питаются моллюсками, не разговаривают друг с другом pushkinsdelal.ru +1.

Джетт («Грозовые камни», сезон 1)

Зоя Монроз («Гиперболоид инженера Гарина»)

Сущность

Молодая, жестокая девушка. Боевой специалист, управляет огромным грузовиком «Зверь». Правая рука Тао, знает его с детства ru.wikipedia.org* +1. Своим умом добилась положения второй на базе.

Красавица-авантюристка, русская эмигрантка. «Я фантастка. Я авантюристка. Я хочу, чтобы всё было моё»

. Стала любовницей миллиардера Роллинга расчётом и волей, затем перешла к Гарину.

Путь к власти

Не показан прямо, но подчёркивается: Джетт — не назначенец, а боевик и тактик, заслуживший место рядом с Тао

.

Толстой описывает её восхождение подробно: от великосветской львицы до любовницы химического короля — «не по воле случая», а «только ум и воля»

.

Роль в системе

Не просто исполнитель, а партнёр по стратегии (что подчёркивается, в том числе, сценой с шахматами). Проводит тактические операции, ловит пленных, ведёт погони.

Не просто любовница, а полноправный партнёр Гарина. «Она Гарина и Роллинга связала насмерть. В ней вся пружина их махинации»

. Королева Золотого острова, создаёт собственный двор и этикет

.

Окружающий мир

Тот же постапокалиптический Рай. Её «арена» — пустыня, рудники, кабина «Зверя».

Тот же капиталистический мир. Её «арена» — дворцы, яхты, светские салоны, Золотой остров

.

Противники

Те же, что у Тао: Ной, Номады, животные.

Те же, что у Гарина: Шельга, восставшие рабочие. На определённом этапе — и сам Роллинг

.

Причины краха

Система, на которой держалось её положение, рушится вместе с уничтожением Тао. Она не была уничтожена лично — но потеряла всё

.

Восстание рабочих. Зою спасает капитан Янсен (ценой собственной жизни), но её мир власти рушится

.

Чем всё закончилось

Дальнейшая судьба после финала первого сезона неизвестна. Она исчезает из сюжета — нет ни во втором, ни в третьем сезоне

.

Кораблекрушение на необитаемом острове. Зоя листает книгу с проектами дворцов, где среди мраморных колонн возвышается её статуя — единственное, что осталось от мечты о власти pushkinsdelal.ru +1.

Ключевые аналогии

Искусственность власти. Тао — буквально искусственное создание, голограмма, запрограммированный инструмент. Гарин — живой человек, но его власть тоже построена на искусственном основании: гиперболоид и золото из мантии. Оба контролируют ресурс (грозовой камень / золото) и через него — людей. Но оба не замечают, что сами являются чьими-то инструментами: Тао — инструмент Преториуса, Гарин — заложник собственной жадности и системы, которую пытается обрушить.

«Правая рука» как зеркало. Джетт и Зоя — не пешки, а фигуры, по силе сопоставимые с самим диктатором. Обе — живые, волевые, амбициозные женщины в мире, где власть принадлежит (или кажется, что принадлежит) мужчинам. Но их судьба привязана к системе: когда рушится Тао — Джетт исчезает; когда рушится Гарин — Зоя идёт с ним. Их сила реальна, но её фундамент — чужая конструкция.

Крах изнутри. Ни Тао, ни Гарин не побеждены «положительными» героями в прямом столкновении. Тао отменён своим создателем. Гарин свергнут восстанием, но окончательно повержен тайфуном — случайностью. В обоих случаях крах приходит не с той стороны, откуда его ждали.

Антиклиматичность финала. Это самая выразительная параллель. Гений власти, мечтавший о мировом господстве, заканчивает на пустом острове, питаясь моллюсками. Голограмма, мнившая себя бессмертной, выключается одним нажатием. Толстой и создатели «Грозовых камней» используют один и тот же приём: крах тирана не величественен, а унизителен. Власть, построенная на страхе и ресурсе, рассыпается мгновенно — и не остаётся ничего.

Если хочешь, могу развить аналогию дальше — например, сравнить Преториуса с Роллингом как «истинного кукловода» в каждой из историй, или сопоставить Ноя и Шельгу как фигур противника, которые побеждают не силой, а упрямством и идеей.

 # # # # # # Я

Примечательны сцены, где Тао и Джетт остаются на ночь в трейлере, пока Покровители гоняются за Ноем и убегают от собаки Долли. Джетт засыпает в кресле, а Тао, хоть и не нужда-

ется в сне, дает ей выспаться. И только когда солнце уже поднялось, он будит девушку и велит ехать на базу. И когда они впервые видят Аришку на лошади, Тао отодвигает Джетт назад и заслоняет своим плечом - хоть он и ИИ, а человечность и ему не чужда?

 # *

Эти сцены — одни из самых тихих и выразительных в первом сезоне, и именно в них раскрывается то, что делает Тао не просто «злодеем-голограммой», а трагическим персонажем. Давайте разберём обе.

Сцена в трейлере: Тао не будит Джетт

Тао — голограмма, ему не нужен сон. Он мог бы разбудить Джетт сразу, как только появилась необходимость. Но он не стал. Он позволил ей спать до рассвета.

Что это говорит:

Забота, запрограммировать которую нельзя. Если Тао — ИИ-проекция, созданная Преториусом, то у него нет объективной причины беречь чужой отдых. Преториусу нужна исполнительница, а не отдохнувший человек. Значит, эта пауза — не функциональная, а личная. Тао делает выбор, который выходит за рамки его программы.

Он знает цену усталости — по памяти. Тао не родился голограммой. Он был живым человеком, который добровольно прошёл преобразование. Он помнит, каково это — заснуть в кресле после тяжёлого дня. Это не «эмуляция сочувствия», а воспоминание тела, которого больше нет.

Тишина как доверие. Пока Покровители гоняются за Ноем, а собака Долли носится где-то в ночи, в трейлере — покой. Тао и Джетт в этот момент не диктатор и исполнительница, а двое, которые разделили пространство и время. Он сторожит её сон — и это, пожалуй, самое человечное, что он делает за весь сезон.

Сцена с Аришкой на лошади: Тао заслоняет Джетт

Когда они впервые видят Аришку верхом, Тао отодвигает Джетт назад и прикрывает её собой. Голограмма, которая теоретически неуязвима для обычного оружия, инстинктивно защищает живого человека.

Что это говорит:

Защитный рефлекс — не расчёт. Если бы Тао мыслил чисто прагматически, он бы проанализировал ситуацию: девочка на лошади — не угроза для голограммы. Зачем отступать? Но он отодвигает Джетт так, как отодвинул бы любой человек, за которым стоит кто-то важный. Это не алгоритм, это — реакция.

Джетт для него — не ресурс. В системе Покровителей люди — рабочая сила, расходный материал. Джетт могла бы быть просто ценным кадром. Но Тао закрывает её собой — а не «прикрывает в тактическом смысле». Между ними — что-то, что Преториус не закладывал и не контролировал.

Лошадь как символ непонятного. Аришка верхом — это явление из другого мира: живого, свободного, непредсказуемого. Для Тао, который строит систему контроля, это — аномалия. Его реакция — отступить и защитить — это не страх, а осознание: есть нечто, что не вписывается в его модель мира, и рядом с этим нечто нужно быть начеку.

Человечность ИИ — главная трагедия Тао

Обе сцены работают на одну мыслью: **Тао человечнее, чем он сам себе позволяет признать.**

Он стал голограммой ради власти и бессмертия — но принёс с собой то, от чего хотел уйти: усталость, заботу, инстинкт защиты. Он не перестал быть человеком, он только перестал иметь на это право. И когда Преториус в финале уничтожает его одним движением — это не просто «выключение бракованной программы». Это убийство того, кто успел снова стать человеком в мелочах: в тишине трейлера, в заслоняющем жесте, в позволении выспаться.

Параллель с Гариной тут особенно острая. Гарин тоже хотел стать сверхчеловеком — и тоже обнаружил, что человеческое никуда не делось: Зоя, моллюски, коралловый остров. Разница в том, что Гарин остался жив и получил шанс усвоить урок. Тао — выключен.

Если хочешь, могу написать эти две сцены как раскадровку — с деталями света, звука и мизансцены, чтобы их можно было использовать как самостоятельные миниатюры или как часть более крупной сцены.

 # # # # # # Я

Напиши раскадровку.

 # ***

Раскадровка: «Ночь в трейлере» и «Аришка на лошади»

СЦЕНА 1. НОЧЬ В ТРЕЙЛЕРЕ

Локация: Кабина грузовика «Зверь» / пристроенный к нему жилой трейлер. Внешний интерьер — грубый, металлический, функциональный. На стенах — карты местности, схемы рудников, скреплённые кнопками фотографии пленных. На откидном столике — самодельные шахматы, партия не окончена, фигуры стоят. Узкая койка (необязательно используемая). Одно кресло — водительского типа, поворотное, потёртое.

Время: Глубокая ночь, примерно 3:30–4:00.

КАДР 1. Экст. Пустошь. Ночь.

Дальний план. Пустынная местность, слабый лунный свет. На горизонте — далёкие отблески фар: Покровители гонятся за Ноем. Слышен отдалённый рёв мотора, крики, лай собаки — всё приглушённое, как сквозь вату. Камера медленно опускается, и в нижней части кадра вырастает тёмная громада «Зверя» — припаркованного, с потухшими фарами. Трейлер чуть покачивается на ветру.

Звук: Ветер. Далёкий лай Долли. Рёв мотора — затихающий.

КАДР 2. Инт. Трейлер. Ночь.

Средний план. Внутри трейлера — тусклый свет: единственная лампа над столиком, тёплый жёлтый оттенок, почти свечной. Джетт сидит в кресле, склонив голову к стене. Глаза закрыты. Одета всё ещё в свою рабочую куртку, ботинки не сняты. Она заснула прямо так — видимо, рухнула в кресло после долгого дня. Дыхание ровное, тяжёлое.

Звук: Тишина. Только дыхание Джетт и едва слышное гудение трейлера (генератор).

КАДР 3. Инт. Трейлер. Ночь.

Крупный план. Рука Джетт свесилась с подлокотника кресла. На запястье — потёртый браслет, следы грязи. Пальцы расслаблены. Камера задерживается на руке — это рука человека, который много работал и наконец остановился.

КАДР 4. Инт. Трейлер. Ночь.

Средний план. Тао стоит у противоположной стены, спиной к Джетт. Он смотрит на разложенную на столе карту района. Его фигура — как всегда, безупречно ровная, без единой складки. Но он не двигается. Не листает карту. Не проверяет координаты. Просто стоит.

Звук: Тишина.

КАДР 5. Инт. Трейлер. Ночь.

Деталь. Профиль Тао в свете лампы. Лицо неподвижно, но взгляд — не «командирский», не аналитический. Глаза чуть опущены. Он смотрит в одну точку. Камера задерживается — и становится ясно: он слушает дыхание Джетт.

КАДР 6. Инт. Трейлер. Ночь.

Средний план — два в кадре. Тао медленно поворачивает голову, смотрит на Джетт. Она спит, свернувшись в кресле как подросток (хотя она не подросток — но усталость стирает возраст). Волосы упали на лицо. Куртка задралась, обнажив край футболки.

Тао не подходит. Не поправляет. Не укрывает. Просто смотрит.

Звук: Дыхание Джетт. Снаружи — ветер.

КАДР 7. Инт. Трейлер. Ночь.

Крупный план — глаза Тао. Свет лампы отражается в зрачках — и на секунду кажется, что это не отражение, а свечение. Но нет. Просто свет. Он — не светится. Он стоит в темноте как живой.

Пауза. Долгая, на несколько секунд. Он мог бы её разбудить. Должен был бы — база ждёт, Покровители в поле, ситуация не контролируется. Но он не будит.

КАДР 8. Инт. Трейлер. Ночь.

Средний план. Тао отходит от стола, садится напротив Джетт, на край койки. Скрещивает руки. Ждёт. Он будет ждать до рассвета.

Монтажная вставка — серия коротких кадров:

Часы на стене. 3:47.

Джетт во сне чуть вздрагивает, бормочет что-то неразборчивое.

Тао, всё в той же позе. Не шевелится.

Часы. 4:12.

Снаружи — тишина. Гонка закончилась или ушла за горизонт.

Часы. 5:03.

Ближний план лица Джетт — расслабленного, помолодевшего во сне.

Часы. 5:38.

Снаружи — первый серый свет в окне трейлера.

КАДР 9. Инт. Трейлер. Рассвет.

Средний план. Свет в окне меняется: тёмный — серый — голубоватый. Лампа над столом меркнет на фоне рассвета. Тао поднимает голову. Он просидел так всю ночь.

Звук: Первый птичий крик (далёкий, одинокий). Ветер стихает.

КАДР 10. Инт. Трейлер. Рассвет.

Крупный план. Тао наклоняется к Джетт. Вытянутая рука — почти касается её плеча, но на секунду замирает: дюйм до ткани куртки. Пауза. Он не хочет будить. Потом — решается. Касание. Лёгкое, короткое.

— Джетт.

Голос тихий. Не приказ. Просто имя.

КАДР 11. Инт. Трейлер. Рассвет.

Средний план. Джетт вздрагивает, открывает глаза. Секунда — дезориентация: где я, что случилось. Потом фокус. Перед ней — Тао, ровный, собранный, как будто и не было этой ночи.

— Рассвет. Пора на базу.

Тао встаёт. Будто ничего не было. Джетт смотрит ему в спину — секунду, две. Потом встаёт, проводит рукой по лицу, расправляет куртку. Молча выходит из трейлера.

Звук: Скрип двери трейлера. Шаги по металлической ступеньке. Запуск двигателя «Зверя» — тяжёлый, надрывный.

КАДР 12. Экст. Пустошь. Рассвет.

Дальний план. «Зверь» трогается с места, поднимает пыль. Утренний свет — низкий, рыжий, длинные тени. Трейлер уходит в сторону базы. В кадре остаётся пустое место, где он стоял: следы шин, придавленная трава.

Звук: Мотор затихает. Птицы.

СЦЕНА 2. АРИШКА НА ЛОШАДИ

Локация: Открытая местность между пустошью и лесным массивом. Утро, солнце уже встало, но стоит низко — свет косой, золотой, слепит в глаза.

Время: Через час-полтора после выезда с ночной стоянки.

КАДР 13. Экст. Дорога. Утро.

Средний план. «Зверь» медленно движется по разбитой дороге. В кабине — Тао на пассажирском сиденье, Джетт за рулём. Оба молчат. Утренний свет бьёт в лобовое стекло.

Звук: Ровный гул мотора. Шины по гравию.

КАДР 14. Экст. Дорога. Утро.

Тао поворачивает голову к окну. Что-то увидел.

Крупный план — глаза Тао. Внимание, но не тревога. Скорее — непонимание. Его взгляд фиксирован на точке за окном.

КАДР 15. Экст. Поле. Утро.

План-точка зрения Тао. Дальний план. На гребне невысокого холма, метрах в ста от дороги, — силуэт. Сначала непонятно: столб? дерево? Потом силуэт движется. Слышен звук — далёкий, непривычный: стук копыт. Ритмичный, живой.

Из-за гребня появляется лошадь. На лошади — девочка. Аришка. Она сидит верхом, прямо, уверенно. Волосы летят за спиной. Лошадь — рыжая, лоснящаяся, настоящая — живое животное в мире, где животные почти исчезли.

Звук: Стук копыт. Фырканье лошади. Шум ветра в траве. Всё это — странно, непривычно, почти нереально на фоне привычного рёва моторов и скрежета.

КАДР 16. Инт. Кабина «Зверя». Утро.

Средний план. Джетт тоже увидела. Она тормозит, не отрывая взгляда от окна. Рука на руле — замерла.

— Что это?

Голос — не испуганный. Изумлённый.

КАДР 17. Инт. Кабина «Зверя». Утро.

Крупный план. Тао не отвечает. Он смотрит на Аришку — и в его лице то, чего не должно быть у голограммы: замешательство. Не тактическое — человеческое. Он не понимает, что видит. Лошадь. Девочку. Свободу.

Потом — реакция. Резкая.

КАДР 18. Инт. Кабина «Зверя». Утро.

Средний план — два в кадре. Тао поднимает руку и отодвигает Джетт назад, за свою спину. Не грубо, но решительно — как отодвигают от края платформы, от двери, от опасности. Левой рукой — поперёс её плеча, толчок назад. Правой — упирается в приборную панель, перекрывая линию между окном и Джетт.

Джетт откидывается назад, на спинку сиденья. Не возражает. Смотрит на Тао — снизу, из-за его плеча.

Звук: Стука копыт больше не слышно. Только мотор на холостых. Тишина.

КАДР 19. Инт. Кабина «Зверя». Утро.

Крупный план — рука Тао, лежащая поперёк приборной панели. Пальцы напряжены. Это рука, которая заслоняет. На секунду камера задерживается — и становится ясно: он стоит между Джетт и тем, что снаружи. Не потому что умный. Потому что не может иначе.

КАДР 20. Экст. Поле. Утро.

План-точка зрения из кабины. Аришка на лошади, на гребне холма. Солнце за её спиной — силуэт, обведённый золотым контуром. Она не двигается. Лошадь переступила ногами, опустила голову, щиплет траву. Девочка смотрит в сторону «Зверя» — спокойно, без страха.

И в этом кадре — контраст: живое, солнечное, свободное — и тёмная металлическая кабина, из которой на неё смотрит тот, кто хотел бы управлять всем, но не может управлять этим.

КАДР 21. Инт. Кабина «Зверя». Утро.

Средний план. Долгая пауза. Тао стоит в той же позе — рука поперёк, спина прямая, заслоняет Джетт. Потом — медленно опускает руку. Не отступает, но опускает.

— Поехали.

Голос ровный. Сухой. Будто ничего не было.

Джетт смотрит на него — секунду. Потом включает передачу. «Зверь» трогается.

Звук: Сцепление, газ, мотор набирает. Копыта — больше не слышны.

КАДР 22. Экст. Дорога. Утро.

Дальний план. «Зверь» уезжает. В кадре — Аришка на лошади, провожающая его взглядом. Солнце. Трава. Тишина.

Камера задерживается. Лошадь поднимает голову. Аришка трогает повод. Разворачивается — и уезжает в обратную сторону, за гребень.

Звук: Стук копыт — затихающий. Потом — ветер. Конец.

Ремарка к раскадровке

Обе сцены построены на одном принципе: **действие минимально, пауза максимальна.** Тао не говорит ничего значимого. Джетт не задаёт вопросов вслух. Всё — в жестах: рука, не тронувшая плечо до последнего; рука, заслонившая от окна. Сила этих сцен не в диалоге, а в том, что не произнесено.

Если хочешь, могу развернуть каждую сцену в полноценный сценарный текст — с диалогами, ремарками и таймингом для каждой сцены, как для производственного сценария.

Джетт. После падения. (сериал «Грозовые камни»)

Часть 1. Дорога

Она не помнила, как ударилась.

Помнила драку в кабине — Сыч слева, Луч справа, воняет потом и страхом, руки хватают за плечи, за ворот, кто-то бьёт по запястью — и потом воздух. Воздух снизу, пустота, и землю, которая летит в лицо.

Потом — темнота.

Очнулась она в кювете, на спине, глядя в небо. Небо было серое, низкое, как потолок трейлера. Слева — лоб болел так, будто по нему прошлись дверцей «Зверя» (примерно так и было). Справа — плечо не двигалось. Не сломано, но вывихнуто точно: она чувствовала, как сустав сел неправильно, тупая ноющая боль от шеи до локтя.

«Зверя» уже не было слышно. Только ветер, и где-то далеко — крики. Праздничные. Рабы радовались.

Джетт лежала и смотрела в небо. Думала: встать или не встать. Решила — встать. Не потому что хотела жить. Потому что лежать в кювете, пока бывшие рабы орут от радости, — это не её.

Поднялась — с третьей попытки. Ноги держали. Левая рука — рабочая. Правая — болталась. Она перехватила её ремнём от куртки, прижала к корпусу. Криво, больно, но держит.

И пошла.

Не к базе — к базе нельзя. Не за Ноем — Ной её проблема не интересовал. Просто пошла. Вдоль дороги, по обочине, в сторону, противоположную той, куда уехал «Зверь». Один. Без транспорта, без оружия, без связи.

Босиком. Ботинки слетели при падении. Камни и пырь — в ступни. Она не останавливалась.

Часть 2. Взрыв

Через два часа она услышала его.

Не увидела — услышала. Низкий, утробный гул, который шёл не от земли, а от воздуха, как будто небо дёрнули за край. Потом — волна: горячая, пыльная, несущая песок и мелкий мусор. Джетт упала — не от силы волны, а потому что ноги подогнулись. Ударила коленом в камень, выругалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.